

Самый

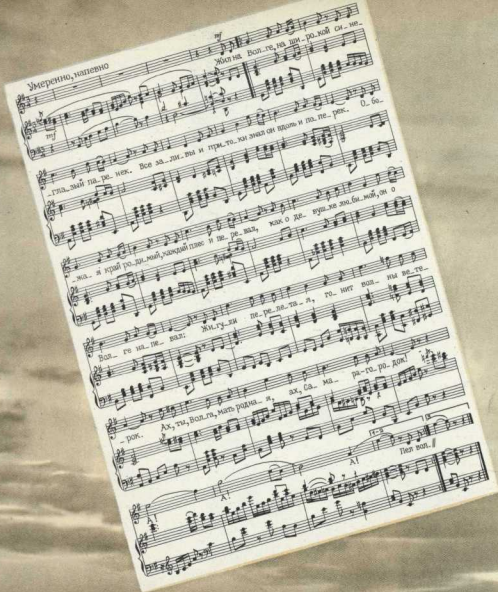

СМЕНА

12

1956

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ВОЛГАРЬ

Слова Юрия БЛАГОВА.
Музыка Ильи МОСКВИНА.

Жил на Волге на широкой
Синеглазый паренек,
Знал он вольно и поперек,
Обонял край родимый,
Каждый плёс и перевал,
Как о девушке любимой,
Он о Волге напевал:

Припе: Кингули перелетая,
Гонит волны ветерок,
Ах ты, Волга, мать родная,
Ах, Самарского город!

Пел волгарь запевши эти,
И достигнув зрелых лет:
«Много рек на белом свете,
А роднее Волга нет,
Край просторный и богатый
Для души неземной...»
И ребята-волгарята
Напеваи вместе с ним:

Припе.
В стройку волжскую немало
Поклонил волгарь труда,
Чтоб еще могучей стала
Наша Волга навсегда;
Чтоб соперничала с нею
Уж не реки, а моря...
И теплее еще звучнее
Лытеса лесия волгари:

Припе.

Фото В. Кузьмина.

Фото Г. Борисова, А. Михайлова,
А. Мольцова, А. Устинова, П. Федотова.

— Скоро в путь! — говорит комсорг В. Голиков товарищ Кировского завода (Ленинград) В. Соловьеву, А. Мовчанкину и И. Курдышеву, изъявляющим желание поехать на Восток.

Фрезеровщица О. Булах, товарищи В. Ковалев и Ю. Уваров, работающие на Ленинградском металлургическом заводе, перед отъездом на строительство Братской ГЭС.

Супруги Николай и Анна Абрамовы не хотят отставать от своих молодых друзей. Решено: они едут из Москвы на сибирские стройки.

НА ВОСТОК, КОМСОМОЛЬЦЫ!

Всю страну облетел призыв Коммунистической партии и Советского правительства, зовущий молодежь на леса новостроек шестой пятилетки, на новые трудовые подвиги.

Юные патриоты горячо откликнулись на этот призыв. В комитеты ВЛКСМ фабрик и заводов, в райкомы и горкомы комсомола поступили тысячи заявлений от комсомольцев с просьбой направить их на стройки и промышленные предприятия Сибири, Дальнего Востока, Севера. Поток заявлений растет с каждым днем. Только в Москве и Московской области за одну неделю подано свыше двенадцати тысяч заявлений.

В конце мая в Кремле собрались две с половиной тысячи учащихся десятых классов средних школ столицы. Они единодушно решили после получения аттестатов зрелости пойти работать на производство.

А 2 июня в Большом Кремлевском дворце состоялось собрание комсомольцев и молодежи города Москвы, посвященное проведению первой группы молодых добровольцев, изъявивших желание поехать на стройки восточных районов страны.

Фоторепортаж «Пишите нам по новым адресам!», рассказывающий об отъезде первого шелона добровольцев, смотри на 2-й и 3-й страницах.

Три подруги, Саша Локтева, Валя Письменская и Лидя Тишинова, едут в район комсомола за путевками на Восток.

Пролетария всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Июнь. № 12. 1956 год.

Год
издания
33-й

Пишите нам по новым адресам!

Фото А. Монлецова.

В первом купе юности и детства окружил железнодорожника в белом кителе. Узнав, что поезд обслуживает красноярская бригада, комсомольцы забросали начальника поезда и проводников вопросами. Начальник поезда Григорий Захарович Подвербинный — коренной житель Красноярска. Он с гордостью рассказывает о своем крае.

— ГЭС у нас знаменитая будет! По мощности не уступит

Братской; три миллиона двести тысяч киловатт. Заводов много, а еще больше будет построено. Так что работа найдется. Народ нам нужен, особенно такие, как вы, молодые, ждущие до настоящего дела. Есть в нашем городе двадцать кинотеатров, клубы, шесть парков, заповедник громадный. Если кто альпинизмом увлекается, Стрелы наши красноярские на весь мир знамениты. Охотнику тоже раздолье: дичи, зверя в тайге

В этот знаменитый полдень фото-корреспондентам жарно вдвойне.

По перрону, у которого стоит поезд Москва — Красноярск, течет человеческий поток. Ожидание, оставив вещи в вагонах, спешат на перрон постыять с провожающими, поговорить.

«Долгие проводы, — слышит словарица, — аинные слызы». Однако в этот безоблачный июльский полдень слез не было, хотя проводы были долгими. Только что окончился на привокзальной площади летучий митинг, где друзья-комсомольцы сердечно напутствовали добровольцев, едущих с первым эшелоном на новостройки Сибири: «Мы посылаем вас своим главным отрядом. Через несколько недель по вашим следам поедут тысячи молодых москвичей, но про вас будут говорить: они были первыми!»

Московские вокзалы за последние годы не раз видели таких молодых, жизнерадостных пассажиров. Кажется, совсем недавно они отправлялись отсюда на целинные земли. Теперь их путь лежит на север и восток.

...У состава предостынная суматоха. Торопливо записываются адреса, даются наказы, советы... Ну, конечно, как всегда, что-то забыто дома, не уложено в чемодан. Не беды: товарищи выезжают через неделю, они захватят...

Третий звонок. Поезд трогается, набирает скорость. Из окон вагонов летит песня:

Мы прощаемся с Москвой,
Перед нами путь большой.
Здравствуй, будем знакомы,
Дав мне руку, незнакомый спутник мой!

Мы идем по вагонам, знакомимся с пассажирами. Правда, им сейчас не до нас: надо разобрать вещи, устроиться поудобнее, осмотреться. Но ведь впереди путь суток пути, и все охотно беседуют с нами.

Состав Москва — Красноярск подан, и на перрон хлынул живой, бурлящий молодостью поток добровольцев.

В дальней дороге все нужно: и бани и чайничек.

пропачать. И порывачить можно. Каимат у нас лучше московского: суше, устойчивее, теплее. Хочешь учиться, пожайлуйста: три института, пятнадцать техникумов.

Разные люди собрались в этом купе: продавец Алад Иванова и токарь Юрия Дмитриенко, шофер Виктор Еаисин и ученица повара Рита Полюкова, строители Вячеслав Свиридов и Николай Шургулин. Разные по профессии, по возрасту, по характерам. Но всех их роднит одно: желание отдать силы тому большому делу, на которое их позвала партия.

...У окна вагона парень и девушка. Они смотрят на мелькающие мимо дачные посады, леса, поля и тихо о чем-то говорят.

— Красное все-таки наше Подмосковье! — задумчиво роняет девушка. — Лучше, наверное, мест на земле нет...

— Да, хорошо места, но, знаешь, Лида, мне кажется, это зависит от людей: где красивые люди, там и места красивые!

Сергея помочать, потом громко и как-то особенно торжественно сказал:

— Не плачь, Танюша... Сдашь экзамены — и летай и нам, в Сибирь!

— А ты знаешь, здесь вот, в этом поезде, началась наша большая биография. Лида Куркова, контролер Московского автозавода, и Сергей Волков, товаровед, познакомились только что, в вагоне. Не будем мешать их беседе, пожелаем им доброго пути.

Из соседнего купе доносится музыка. У патефона дружная компания, Сергей Кирьялов, шофер 13-й автобазы Моссовета, все время заводивший патефон, предложил:

— Давайте, ребята, лучше споем.

Начальник поезда № 43 Г. 3. Подвербный рад рассказать будущим сибирякам о своем родном Красноярске.

Нина Дерницина запевает: «Пишите нам, подружки, по новым адресам». Все подхватывают песню. Распихиваются гитары и балалахи, у кого-то в руках мигот очутились две алюминиевые ложки, заменившие ударный инструмент.

— Внимание, внимание! — слышится голос Толи Анянueva. — Объявляется конкурс на новую песню — песню молодых строителей. Наиболее отличившиеся будут отмечены в вагонной стенигазете!

Мигот в руках появляются баскноты и карандаши.

...Смеркается. Ровно постукивают на стыках колеса. В вагонах не смакуют разговоры, песни. Возле открытых окон стоят юноши и девушки. Они смотрят валь, туда, где за Уральским хребтом, за дремучими лесами и бурными реками раскинулась страна сказочных богатств — Сибирь.

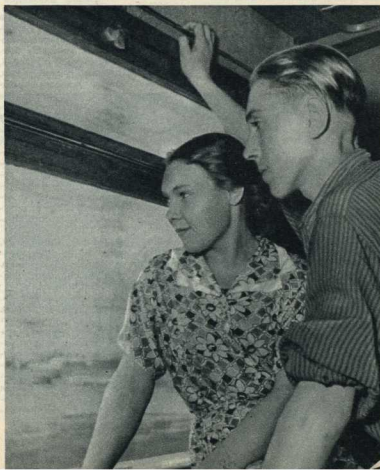
Счастливого пути вам, молодые строители!

Всем хороши цельнометаллические вагоны, да вот беда: прощаться не очень-то удобно.

— Проголодались, хлопцы! — спрашивает Нина Пригородова, единогласно признанная хозяйкой купе. — Еще бы! Целый день в беготне и хлопотах, и постель-то не успели толком.

Работа над дипломом — ЭТО ТВОЕ ЧЕСТВО

Фото Г. Воржова

Студент-выпускник Анатолий Вавлин трудится над реконструкцией котельной ТЭЦ.

Аркадий Бурта-Галанович и Борис Черкасов сконструировали новый башенный кран.

Артур Стецовский разработал схему радиоактивного плотомера.

Семен Гильман и Иван Виноградов создали проект электрификации колхоза.

Зрелыми специалистами они вступают в жизнь.

ПЕРВЫЙ ПРОЕКТ

На фотографии, которая помещена выше, вы видите двух юношей, склонившихся над чертежами. Это выпускники энергетического факультета Московского института инженеров железнодорожного транспорта Анатолий Вавлин и Владимир Шеленко. В страдную пору, каким является у студентов период подготовки к защите диплома, их можно часто встретить вместе: молодые люди сдружились за время совместной учебы в институте. Их дипломные проекты, хотя и называются по-разному, имеют много общего, и друзья иногда советуются между собой, как лучше решить тот или иной вопрос.

На листе ватмана, что лежит на столе перед студентами, в нижнем правом углу написано: «Реконструкция котельной ТЭЦ. Дипломная работа Анатолия Вавлина». Это не отвлеченное исследование никому не известной, специально для дипломника выдуманной котельной. Перед нами проект, каждая линия и цифра которого взята из жизни.

Еще задолго до того, как на кафедрах факультета были объявлены темы дипломных работ, преподаватель Виктор Георгиевич

Ерохин сказал Анатолию: «А не возьмется ли вам за проект реконструкции котельной установки одного из кадуцких заводов? Виктор Георгиевич коротко объяснил, что нужно сделать. В свое время, окончив институт железнодорожного транспорта, он работал на том самом заводе в Кагуле, о котором рассказывал Вавлину. Ему были хорошо известны все плюсы и минусы заводской котельной установки. Знал Виктор Георгиевич также и то, что давно поговаривают на предприятии о ее коренной реконструкции: экономические невыгоды иметь на производстве раздельно ТЭЦ и центральную котельную для отопления».

Работа предстояла интересная, но очень трудная и ответственная. Это такая возможность проявить свои способности, инициативу, творчество!..

Анатолий подумал и согласился. Через несколько дней он выехал в Кагулу на преддипломную практику. Там он собрал экономические и технические данные о котельной, подробно изучил оборудование, ознакомился с пятилетним планом завода. При составлении проекта дипломный решал использовать в основном имеющееся на ТЭЦ оборудование, ес-

тественно, усовершенствовал его. На ТЭЦ применялся слесовой способ сжигания угля. Анатолий Вавлин предложил заменить его каменным, когда топливо в виде угольной пыли вдувается в топку. Центральная котельная в связи с усовершенствованием ТЭЦ будет теперь не нужна. Это позволит не только высвободить часть рабочей силы и перевести ее на другие участки, но и сократить расходы топлива. Значительно изменению подверглось внутрибарбачанное separационное устройство котла.

Сейчас еще трудно сказать, станет ли проект Анатолия Вавлина рабочим проектом для кадуцкого завода. Но хочется отметить одно: студент-выпускник, будущий молодой инженер, выявляет скрытые резервы производства и делает первый практический шаг на этом пути.

В. АНДРЕЕВ

КОНСТРУКТОРЫ «СТАЛЬНОЙ РУКЪ»

Аркадий Бурта-Галанович и Борис Черкасов, студенты Московского высшего технического училища имени Н. Э. Баумана, писали диплом совместно. У друзей это был не первый опыт работы вдвоем. Они вместе проектировали для новой лабораторной института часть испытательного стенда и канатоукладчик.

Преддипломную практику студенты проходили в Центральном конструкторском бюро Главстроймеханизации, которое создало башенный кран «БК-215». Кран оригинальный, но... он уже на удивление старителей. Вот друзьям и предложили попробовать свои силы — создать новый механизм, который при тех же габаритах поднимал бы вдвое больше груза. Предложение пришлось кстати и отвечало стремлению студентов. Так возник совместный дипломный проект Бурта-Галановича и Черкасова.

Юноши рассказывают, что если бы они пошли по наиболее простому и легкому пути копирования, то у них получились бы улучшенный вариант крана, но более. А им хотелось создать новый кран, который отвечал бы самым высоким требованиям строительного дела.

Дипломники при помощи коллектива конструкторского бюро создали проект «БСК 1/4 тонны». Расшифровывается это так: башенный самоподнимающийся транспортный башенный кран. Он пяти- и шеститонных зданий из крупных блоков; при максимальном вылете стрелы в 18 метров кран, подобно обычной башенной руке, может поднимать три тонны груза, а при вылете в 10 метров — шесть тонн.

Что значит самоподнимающийся? Обычно башенные краны монтируются на строительной площадке. На это уходит от семи до пятнадцати дней. А «БСК» можно собрать за три — четыре часа. Он сам, без какой-либо дополнительной механизмы, собирается, складывается и разбирается.

Транспортный — это значит легко перевозимый с места на место. Как правило, башенный кран доставляют на строительную площадку несколькими грузовиками, а этот — одним.

Дипломанты упростили конструкцию крана — башню, стрелу, раму. И они нашли этот способ, создав особое устройство — консоль. Правда, вместе с блоками она прибалтывала и ось крана целиком вместе пятнадцать килограммов, но это не имеет существенного значения для антогонистного механизма. К тому же консоль давала очень большую экономический эффект — грузоподъемность крана увеличилась вдвое.

Консоль, внешне напоминающая небольшой рычаг, позволяла уменьшить шаг башни во время поворота груза. Если бы не это приспособление, то пришлось бы увеличивать сечение металлоконструкции башни, что значительно увеличило бы ее вес. Надо ли говорить, что Аркадий и Борис отлично защитили свою дипломную работу? Их эскизный проект училище передало в Глав-

Артур Стецовский у сконструированного им радиоактивного плотномера.

конструкцию. Там будут сделаны рабочие чертежи, после чего промышленность приступит к изготовлению нового башенного крана «БТК».

А. СИНЕЛЬНИКОВ

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ «ВЕЩАЮЩЕГО ОКА»

В одной научно-исследовательской лаборатории Москвы стоит человек не приметный на первый взгляд металлический ящик. Сквозь застекленное окошко на передний его стенки видна дисковая шкала со стрелкой и самонастройка приспособлением. Это радиоактивный плотномер, прибор, предназначенный для определения плотности жидкостей. Разработал и изготовил его Артур Стецовский — студент Московского нефтяного института имени академика И. М. Губкина.

...Во время практики на нефтеперерабатывающей заводе в Осице и Кубинске Артур интересовался не только достижениями производственников, но и теми трудностями, с которыми они сталкиваются в работе. Оказалось, что нефтяники в большой претензии к приборостроителям. Очень нужен им аппарат, который в процессе производства контролировал бы плотность выходящей продукции — ее основной качественный показатель.

Однажды кто-то в беседе с Артуром назвал такой прибор «сведущим» окном, технологом. Название несколько высокопарное, но точнее не придумаешь. В самом деле, техник, чтобы регулировать режим нефтеперерабатывающей установки, должен периодически брать пробы и дожидаться из лаборатории результатов анализа. А ждать его подчас бывает некогда: ведь прежде чем исследовать законченный, в продукции могут произойти новые изменения. Поэтому и необходим аппарат, который гарантировал бы технологу от всяких неожиданностей.

Артур Стецовский часто думал об этом. И когда ему предложили несколько тем для дипломной работы, он выбрал наиболее сложную. Она называлась коротко — «Радиоактивный плотномер».

Радиоактивный метод исследования жидкостей — наиболее быстрый, точный и удобный. Он осуществляется без соприкосновения с исследуемой средой. А это очень важно, так как в производственных условиях многие жидкости находятся под давлени-

ем и обладают сильными разделяющими свойствами. Любые соприкасающиеся с ними приборы быстро портятся, что снижает точность их показаний. При радиоактивном же методе роль этих приспособлений выполняет гамма-лучи.

Стецовский с энтузиазмом взялся за дело. Но раз в трудную минуту Артур слышал обобщающее слова своего научного руководителя, кандидата технических наук И. И. Заславского, получив от него целый список указаний.

С волнением прочел Стецовский Директивы XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану. В них говорилось: «Безмерно развить работы по дальнейшему использованию радиоактивных излучений... в частности, для контроля за качеством материалов».

Наконец радиоактивный плотномер готов. Чтобы проверить прибор в действие, к нему надо подключить ионизационную камеру, которая устанавливается на трубе с исследуемой жидкостью. Но другую сторону камеры помещается радиоактивное вещество — источник гамма-лучей. Лучи проходят через жидкость и частично поглощаются ею. Затем они попадают в камеру, где возникает ионизационный ток. Величина этого тока зависит от степени поглощения гамма-лучей жидкостью, то есть от ее плотности. Таким образом, чтобы проверить изменение плотности жидкости задается к определению силы ионизационного тока. Увеличение или уменьшение его точно регистрируется на шкале прибора.

Испитание радиоактивного плотномера дало положительные результаты. Приборы подобного типа принесут большую пользу производству. Они позволят контролировать непосредственный контроль за качеством продукции, облегчат условия труда, сократят число брака.

Радиоактивный плотномер найдет применение в нефтеперерабатывающей, химической и пищевой промышленности. Главное преимущество его заключается в том, что он разработан на базе уже освоенного серийным производством электронного потенциометра (ЭПД-07). Как изобретатель плотномера, измеряющий температуру, очень широко распространен на производстве. В заводских условиях переоборудовать его в радиоактивный плотномер нетрудно. Благодаря этому каждое предприятие сможет самостоятельно обеспечить себя необходимой аппаратурой.

Так изобретатель изобретатель-комсомолец творчески откликнулся на призыв партии об использовании имеющихся производственных мощностей.

...Дипломная работа завершена. Однако поиски продолжают. Проблема измерения плотности веществ радиоактивным методом по-настоящему увлекла Артура Стецовского, сейчас он работает над новым, более совершенным прибором.

М. ИНАТОВ

ДИПЛОМНИКИ ЭЛЕКТРИФИЦИРУЮТ КОЛХОЗ

В конце прошлого года в Московский институт механики и электрификации сельского хозяй-

ства имени В. М. Молотова пришло письмо из Марийской АССР. Председатель колхоза имени М. И. Кутузова коммунист-продвинувшийся просил помочь артели электрифицировать хозяйство. Он писал, что местная проектная организация слишком загружена работой и не может быстро выполнить заказ. А время не терпит. Надо выводить колхоз из отсталых. В таком деле электричество — первый помощник.

Институт откликнулся на просьбу. Вскоре в далекой Сатурский район выехали на преддипломную практику студенты: коммунист Семен Гильман и комсомолец Иван Виноградов. Им предстояло решить вопрос об энергоснабжении артели.

Летом февральскими морозами встали друзья суровой лесной край. Но, не обращая внимания на стужу и ветры, они детально обследовали местность, расположение жилых и хозяйственных строений. Затем внимательно изучили экономику артели. Круглых источников электроэнергии поблизости не оказалось. Поэтому было решено рекомендовать колхозу построить собственную тепловую электростанцию.

В правлении артели после того, как Гильман и Виноградов доложили свои соображения, завязалась большая деловая разгоров. Студентам было задано много вопросов. Они подробно рассказали о реальных выгодах, которые принесет колхозникам электростанция. Взяв, к примеру, животноводство — основу хозяйства колхозников. Сколько времени и сил тратится на подвоз и изготовление кормов, доставку воды, вывозу навоза! Все это будет делать электричество. Большое число рабочих рук предприятие сможет переобрести на другой участок.

Колхозники утвердили план электрификации артели. В первую очередь было решено подать электроэнергию на животноводческие фермы.

Так родилась тема дипломной работы Гильмана и Виноградова — «Проект электрификации

колхоза имени М. И. Кутузова, Сатурского района, Марийской АССР». И прежде, чем она была одобрена ученым советом факультета, его утвердил правление артели, сама жизнь. Часть проекта, посвященную разработку станции, ее оборудованию, режиму работы и наружной электрической сети, взял на себя Виноградов. Гильман занялся планированием электрификации производственных процессов в колхозе и внутренних сетей. Много ценного дали беседы с научными руководителями доцентом В. А. Фомелевым и доцентом А. Ф. Гребенниковым, который уже постронил вместе с студентами института для электрификации в Белоруссии. Дипломники посоветовали применить дизельный и локомобильный агрегаты. Это наиболее экономически целесообразно. В летнее время экономичнее наугруду будет нести дизель, а с наступлением холодов — локомобиль, отходящее тепло которого пойдет для отопления парников, производственных и общественных помещений.

Работая над дипломом, Гильман и Виноградов перешли с председателем колхоза, сообщая дополнительные данные, указывая трассировку линий передач и т. д.

Конец весной председатель колхоза К. И. Комбанский, приехав по делам в столицу, зашел в институт, чтобы поблагодарить факультет электрификации за помощь. Встретился он и с дипломниками. Они долго проговорили в тот вечер. Константин Иванович интересовался, как подготавливает проект. Студенты рассказывали о колхозе, с которым уже успели сродниться. На прощание председатель сказал, что как ему сообщили на факультете, летом в колхоз приешут группу третьекурсников монтировать электростанцию. Гильман и Виноградов крепко пожали руку Константину Ивановичу. Впрочем, расставшись, молодые инженеры обязательно приедут во время отпуска поработать на строительстве.

М. ВАСИЛЬЕВ

В колхозе, над проектом электрификации которого работал Иван Виноградов (слева) и Семен Гильман, будет подведена дорога для животноводческих ферм. Сейчас дипломники еще раз проверяют свои расчеты.

В. РУДИН

ВЗГЛЯД В СЕРДЦЕ

Рассказ

Здравствуй, дорогой друг!

Вот уже неделя, как я на новом месте, и, знаете, не жалею, что прощаю о переводе на Дальний Восток: хорошо тут! Но о здешних красотах напишу как-нибудь потом, а сейчас хотелось поговорить о нашей последней встрече в Москве. Помните, ты меня спросил: как это вышло, что я, такой солидный, положительный тридцатипятилетний подполковник, до сих пор скитался по земям боблымит. Тогда я отступился, но твой вопрос расстроил старую рану, вывел меня из равновесия, и вот я решил объяснить, как это случилось.

Была у меня, понимаешь, такая черта в характере — нерешительности: и так вроде хорошо и этак неплохо... А как правильно? И сам не знаю. Размытая, одним словом. Но я тению себя надеждой, что вот окончу училище, привыкну кубики на пелатцы и сразу другим человеком стану. Да только такж чудес не бывает. И получилось так, что я из-за этой своей нерешительности один раз в жизни подполком стал...

Окончила я Одесское артиллерийское училище в соколовом году, получила назначение в Анхбад и решил съездить один, не дожидаясь ребят. В Одессе меня ничто не держало: родных у меня вообще не было, а в детстве воспитывался в друзьях кадетов не обиделся. За четыре года учебы даже ни с одной девушкой не познакомился, меня все так и звали «Минька-святоша». Помните?

В общем, документы были у меня на руках, и я, вместо того чтобы провести в Одессе отпуск, отправился на вокзал за билетом.

Там творилось что-то невероятное: тол-

чей шум, гам... Взял билет, стал от кассы прощайкаться и тут увидла одну девушку. Она стояла у стены с небольшим чемоданчиком в руках и, склонив голову набок так, что волосы легли по плечу волевой, кого-то выискивала в толпе. Случайно взглянула на меня. Вот уж глаза!

Черные, как огнем горят, и ресницы тоже черные.

Была она невысокая, стройная, такая ладная вся... в общем, ни до, ни после мне такой девушки встретить не приходилось. И скажу тебе, что до самого отъезда — а поезд шел через день — я был сам не свой. Как вспомню эти глаза, так и завоет в груди. Вот бы, думаю, еще раз ее увидеть! Даже на вокзале, когда да ведь это же по теории вероятности один шанс из миллиона.

Поезд на Анхбад уходил ночью, и я, как только забрался в купе, так сразу и устроился спать.

Сколько проспал, не знаю, а проснулся оттого, что за стеной плакал ребенок. Натяну одеяло на голову, уши ладонями зажал — не помогает. Ворочался, ворочался — не могу уснуть. Кричит ребенок, надрывается... Я встал, вышел в коридор покурить и вижу: у окна стоит девушка, волосы у нее черные, волнистые, и сердце тук... Я меня думал перехватило и сердце тук... Я встал, вышел в коридор покурить и вижу: у окна стоит девушка, волосы у нее черные, волнистые, и сердце тук... Я и сообразил ничего не успел, как девушка обернулась. Она!

Наверно, это странно глупо полагать, но я очень обрадовался и говорю:

— Здравствуйте!

Она посмотрела внимательно и отвечат:

— Мы ведь не знакомы.

— Нет, — говорю, — я вас вчера на вокзале видел, вы у стены стояли с чемоданчиком, верно? Вот я вас и знаю.

— Да, правильно, мы там с девочками были. Как же вы меня запомнили?

— Ну, как!.. Просто повстранился...

— Вот оно что! Прямо повстранимоу: раз, два — и сразу повстранился.

Я очень смутился, все лицо, уши и шея прямо запылали. Она сразу смилчалась — да, не обиделась, вы, это же шутка. Вы далеко едете? Только пожалуйста, если это военная тайна, то можете молчать.

— Нет, почему же? В Анхбад.

— Да? Чудесно! Значит, всю дорогу у меня будет плутить...

— А вы тоже в Анхбад? — И тут мое лицо, помимо воли, расплылось в улыбку, сдержая которую я не мог при всем желании.

В общем, мы разговорились и проболтали часов до пяти утра. Звали ее Аидой, Лидией Сергеевной Озеровой. Она училась на четвертом курсе медицинского института в Одессе, и мне казалось просто странным, что за все эти годы мы с ней ни разу не встретились, хотя досетки раз бывали в одних и тех же местах. Сейчас у нее был каникулы, и она ехала к брату, который работал в Анхбаде в какой-то подкалканце.

Так началось наше знакомство, а к концу пути я влюбился, как мальчишка, как и я был, в сущности, тогда, пятнадцать лет назад. От Аиды я не отходил ни на шаг и в гостевой думал, что вот приедет в Анхбад и кончится мое счастье — счастье быть с ней. Но все сложилось на редкость удачно.

Перед тем как брат увез Аиду в своей машине, она, забросив вещи на сиденье, подбежала ко мне и сказала:

— Вы, пожалуйста, приходите к нам. Придете, да?

Я был на седьмом небе. Вытащил блокнот, записал адрес адреса, и она, как вздохнула, поспешила к машине. Прежде чем открыть дверь, Аида еще раз обернулась и крикнула:

— Вас когда ждать в гости?

— Хоть сегодня! — прошепел у меня в голове, но мне показалось, что так неудобно. Я да себе два дня отстрочки и обещаю прийти в субботу.

Аидино братя я рассмотреть не успел. Осталось в памяти лишь очки да борода канишников.

Сам понимаешь: субботы я еще дождался, а после нее мы с Лидой уже не разучались. Две недели промелькнули, как один день, до отъезда непоколебимым счастьем. Отпуск — мой подошел к концу, да и Лидочке надо было собираться в обратную дорогу, а я, понимаешь, все никак не отважился заговорить с ней о самом главном. Однажды, правда, завел речь женитьбы вообще, но Аида меня подыгала на смех; на том разговор и кончился.

И вот, когда наступил последний день — раз в Анхбад надо было ехать, — я решил, что хотя бы в жизни мне тоже можно быть смелым.

Вечером мы были в кино, смотрели фильм о летчиках... Возвращаемся домой, а на душе такая тоска, что передать невозможно. Я Аиду впервые под руку взял. Ее ладонь — такая такая, нежная — оступалась в моей руке, и я ее чуть пожал, а она в ответ тоже мою руку еле заметно пожалла.

И от этой ласки престоляющая разлука показала мне такой немалый, такой неуныный!

Дома до лидочкина дома, нужно было прощаться, но я опустился на лавочку, и она села рядом со мной.

Я слышал ее дыхание, видел ее лицо, такое тусовское, заде моими руками и

Лидочка, — говорю, — не могу я без тебя. Не хочу, чтобы ты уехала. Оставайся тут, мы поженимся... Ты ведь знаешь, я тебя очень, очень люблю...

Сказал и сам почувствовал, что бледнею от волнения. А Аида моими руками в лавочку выплеснула, голову опустивала, и волосы, как тогда, на вокзале, по плечу рассыпались. Осторожно взял я Аиду за плечи,

хотел к себе повернуть, в глаза ее посмотреть, а она вдруг отступила лицом в мое плечо и горько-горько заплакала. А я в растерянности. Так мне ее жаль стало, и понять ничего не могу. Глаза же по голове, по плечам, борщучку что-то глаубое, что, мо, нечего ей расстраиваться, и плакать незачем, и если она меня не любит, так что — дело ее.

— Ах, если бы ты знала! — говорит вдруг Аида сквозь всхлипывания. — Ничего ты, Мишенька, не понимаешь. Разве ты не видишь, как ты мне дорог? Но сейчас — по-настоящему! — сейчас мы никак не можем. Ну, мне надо инстинкт кончить, ведь жалко уходит с последнего курса... А потом...

— Ну да, конечно, я же не говорю, что в будущем надо в загс идти! — подхватывает и я. В будущем у меня все занята: Аида не отказывает мне, а Аида просят об отсрочке.

В общем, мы с Аидой договорились, что летом будущего года я во время отпуска приду к ней и мы поженимся.

На следующий день мы с аидоночным братом проводили ее на вокзал, а еще через два дня кончилась моя отсрочка, началась служба, и полетели дни один за другим.

Вскоре от Аидочки пришли письма. Каждое второе, и стала я получать их каждый день.

А какие письма, знала бы ты! Я этих писем, как праздника, ждала, и уж если в какой день от Аиды весточки не было, места себе мне не находила.

А однажды пережиа настоящее горе. Я и забыла тебе сказать, что по приезде в часть получила назначение на должность командира отрядного взвода. И вот примерно через неделю кончилась и туманы прощания, вышла наша часть на учебные стрельбы.

Отрядом мои бойцы отрядные позиции для орудий, оборудованных укрытия для себя, в лагерь заминировали. В общем, все как полагается. Командир батареи на НП выдвинулся, а мы затаились, команды ждем. Я карточку ориентиоров еще раз проверила, поглядывая на Елену. Да, что совсем голубоватую дымку видали маячить. Тшина.

И над всем этим одна мысль: вот вернемся со стрельб, а меня аидоночные письма жагут.

Доводилось тебе когда-нибудь жить в ожидании чего-то хорошего, радостного? С таким настроением и работа правдо сама в руках кипит и смилу в себе чувствуешь такую — горь, как говорится, своротить можешь, — ведь верно?

Эх, как мы тогда страждали!

В общем, я домой победителем ехала, и вот заложу в комнату, а на столе одиночное письмо лежит. Встаю его в единственное письмо — расчитывать или нет? Посмотрела на почтовый штамп — оказывается, письмо пришло на следующий день после моего отъезда. Значит, потом писем было. И такая тоска вдруг на меня нахлынула! Неужели, думаю, с Аидочкой что случилось?

Вскрывается конверт, читаю и не верю глазам своим. Она пишет, что не в праве быть со мной и думать забыть ее.

Что именно я ей на это ответила, не помню, потому что была как в бреду.

Две недели чувствовала себя самым несчастным человеком на земле. Даже наш командир батареи, капитан Прошин, спросил однажды:

— Что с вами, товарищ лейтенант? Вы что-то мрачный ходите.

Я не смел нужным объясняться, отговаривался недомоганием и вот наконец получаю письмо — аидоночно письмо!

«Мишенька, милая! Я перед тобой виновата. Я тебе не все про себя рассказала. Когда приедем, поговорим об этом, но ты только это совсем-совсем не то, что ты думаешь. Я люблю тебя, и только тебя...» Ну, и так далее.

И все опять вошло в свою колею, будто и не было этих двух недель, так что я еле дождался отпуска.

Как ехала, рассказывать не буду. Я считала дни и километры, а когда до Одессы

остался час езды, когда замелькали пригородные станции — Еремеевка, Выгода, Петляя, — мое терпение окончательно лопнуло.

Я нагнувша полатине фляжку, взял чамоданчик и стал на подножку — как будто от этого поезда мог прийти хотя бы на минуту отдыха.

И вот снова Одесса.

Аидочка жила недалеко от вокзала, на улице Пестеля, в небольшом старом двухэтажном домике. В одном из писем она даже накурила палочки, чтобы легче было ее разыскать.

Нашел я этот дом, вхожу через ворота во двор и вдруг слышу:

— Миша, Мишенька!

Оборачиваю — Аида бежит ко мне... Как мы в ее комнате очутились, не помню. Кажется, я нес ее по лестнице на руках.

Были тогда и погашуна, и объятия, и слезы падали, конечно, Аидочка.

Я спросил, откуда она бежала. Оказывается, она уже третий день ходит мимо встречать, но сегодня как раз опоздала. Разговор у нас был какой-то страшный; мы, кажется, больше молчали.

Вдруг Аида спохватилась, что не успела утром купить хлеб, и сказала, что сходит в магазин, — это было где-то рядом, за углом.

Я остался один. Сизжу, осматриваюсь.

Комната Аидочки мне понравилась: небольшая, но все очень уютно и аккуратно.

Мое внимание привлекла фоторабочка в рамке на письменном столике. Подосея, рассматривая: какой-то молодой человек с узкими... Поставил я рамочку на место, стал читать медицинские книги перепрыгивать, тетради... И вот наткнулся на письмо.

Адресовано мне. «Мишенька, милая!»

Аида все писемко ко мне так начинала. Узнавися я почему она мне его не послала?

И стал читать. Это был ответ на то письмо, про которое я рассказывал. И до того мне это Аидино письмо запомнилось, до сих пор могу переказать его почти слово в слово.

«Мишенька, милая!» — писала Аида. — Все твои упреки ни к чему, и все же я перед тобой очень виновата в том, что не набралась мужества с самого начала сказать тебе правду. Но и ты должен меня понять: когда мы только познакомились, говорить об этом было не к чему, а потом, когда я тебя полюбила, то побоялась поте-

рять. Мне казалось, что, если ты узнаешь правду, ты не согласишься связать со мной свой судьбу с моей. Но сейчас я вижу, что скрывать дальше нельзя. Милая мой, знай: я больна. У меня туберкулез.»

Я доchtал до этого места и снова начал, а когда прочел последние строки, тогда только понял. Сизжу на диванчике, ладонями виски жажду. Ах ты, горе-то какое! Что же дальше? Ну и что? Вель я люблю ее!.. Но туберкулез. Все мысли у меня перепутались, и не мог я ничего придумать. Но когда Аида вернулась и, как ни в чем не бывало, стала готовить ужин, я вдруг подумал: «Почему она молчали? Почему сейчас продолжает обвинять?»

Аида, конечно, объяснила перемени в настроении, спрашивая:

— Мишенька, что с тобой?

А я вместо того, чтобы начисто рассказать, что меня мучает, первый и последний раз ей солгал. Сказал, что устаю с дороги, и все. Я еще поговорила с ней о каких-то пустяках, спросила даже милоходом, что от этого молодой человек с усиками.

Аида, помню, рассмеялась, села рядом со мной, обняла.

— Ты глупый, — говорит, — нашла, из-за чего расстраиваться! Это же мой отец в молодости, его кулаки в коллективизацию убивали.

Так она и не узнала, что я ее письмом прочитала. А на следующий день, когда Аида ушла в институт, я тоже ушел и больше не вернулся. Решил возвратиться в часть, все как следует обдумать, а потом написать Аиде.

Это — самая настоящая трусость, и я это понял сразу, как только поезд тронулся, но я никак не мог решиться на что-то определенное. То мне казалось, что я поступаю правильно, а то мне было стыдно, а я и не вернуть с Аидой, раз она меня обманула, скрывает свою болезнь. То оправдывала Аиду и ругал себя за то, что так тронулся, не сказав ей ни слова, ушел.

За все время я и час не поспал, перебрался в другой вагон, забившись в угол, а под утро решил вернуться к ней. Я уже не понимал, как вообще могу думать, что оставил Аиду, мою Аидочку! Вель я люблю ее! Чинно в одиночку, терпя, в одиночку и встали. Подгородная — мне эта станция на всю жизнь запомнилась. Я сошел на перрон, чтобы встать в кассе билет обратно, но Одессы, и вижу: кассет толпа, но, что удивительно, нет шума, все серьезные лица. Подосея поближе, остановился, тоже прислушиваясь, что по радио говорят.

И вот сквозь треск и шум репродуктора слышал до моего сознания слова: «Бомбилан Савостанов и Одессу... встретились с полемьями частями Красной Армии...»

Это была война.

Что мне оставалось делать? Через шесть суток я был в своей части, а еще неделя спустя мы уже двинулись на фронт.

Потом я писал ей, конечно, и через адресованные бюро искал, и по спискам эвакуированных проверял, и к брату обращался — все напрасно.

Так и до сегодняшнего дня, куда делась Аида, что с ней стало...

Вот тебе моя история, а об остальном суди сам. Я знаю, ты поспынешь, что все испытываю, не возражаю, только имен не называю.

Пусть каждый знает: трусость и подлость всегда рядом.

Для полноты картины и ради правды должен еще сказать: в сорок первом мы под Киевом в такой переплет попали — из всей батареи дев семидесятисемимилметровки осталось, и половина расчета перебрита, а немецкие танки все ползут и ползут.

Мелькнула у меня тогда мысль: бежать очерта голову из этого ада! И вот встал передо мной аидин гаваль.

После этого меня солдали военным и прощали, потому что я себя беречь перестал... Впрочем, извини. Тебе, может быть, вся эта философия ни к чему, ты, как говорится, сам мораль выведешь...

Рисунки А. Лурье.

Плакат, выпущенный Всемирной федерацией демократической молодежи и Встрече девушек Европы.

ПАРИЖ ЖДЕТ ГОСТЕЙ

4 июля в Париже состоится Встреча девушек Европы за мир и счастье. В столицу Франции приедут молодые работницы и крестьянки различных стран.

Такая встреча организуется впервые. Инициатива ее проведения принадлежит Всемирной федерации демократической молодежи. Уже избран Международный патронажный комитет для оказания молодежи помощи в подготовке к Встрече. В комитет вошли вице-президент Народной палаты Германской Демократической Республики Вильгельмина Ширмер-Прешер, советская балерина Галина Уланова, финская писательница Эльви Симерво и другие.

Программа Встречи обширна. После доклада намечено провести дискус-

сию. Комиссии будут обсуждать экономические и социальные права девушек, деятельность молодежных организаций, рассмотреть вопросы об участии девушек в культурной и спортивной жизни.

Но доклады и заседания — это только часть программы. Для участниц Встречи будут организованы экскурсии по историческим местам Парижа, демонстрация мод лучших парижских салонов, балы, веселый пикник в Версале, интернациональный концерт.

Подготовка к Встрече сейчас разворачивается во многих странах. В Финляндии, в департаментах Лапи, Кайну, Оулу, молодежные организации объявили литературные конкурсы на лучшее произведение о жизни девушек. Многолюд-

ные собрания, посвященные Встрече, прошли в Будапеште. Девушки Англии, Италии, ГДР, ФРГ, Швеции, Люксембурга, Австрии провели конференции, на которых избрали делегатов на Встречу в Париже.

Недавно Всемирная федерация демократической молодежи обратилась ко всем девушкам Европы с призывом, в котором говорится:

«Несмотря на различия языков и обычаев, несмотря на особенности стран, их истории и географии, есть вещи, которые сближают и рождают всех девушек, — надежда, непоколебимая вера в жизнь, стремление к счастью...»

На Встрече в Париже вы подтвердите эти раз ауш волю к дружбе и миру!...
Р. САНКОВ

Ник. КРАСНОВ

Про любовь

Как сладко слышать чувства нарастающие
И сердцем, пританнившись к груди,
Ждать в нетерпенье первого свидания:
Коль ты жалеешь счастья, приходи!^{*}
И ты приходи. А не приходишь, за это
Тогда тебе ни пить, ни есть, ни спать.
И тихими шагами до рассвета
Вроить — свою ошибку измерить.
Но есть, чему дивиться мне: доныне
Всегда была ты легкой на помине.
Коль днем не повстречался, не горюя:
Чуть ночь — и мы в саду, где дышат
ветер

На девственные яблонек соцветья
И соловьи поют це-ауи, це-ауи!...
С тобой мы горестей еще не знаи,
Но если беды постучатся к нам,
Я сам возьму на плечи все печали,
Тебе все наши радости отдам.
Любовь — зозылка, делает, что хочет.
И утром раньше всех встаю затем,
Чтобы глазами бы мой день рабочих:
Как я могу прийти к тебе ни с чем?
И то б моя рука ни создаваа,
Желаю все тебе я подарить,
Но что бы ни дарил, — все мало, мало,
Так мало, что не стоит говорить.

Ночь идет, раздавая созвездья
явлюбленным,
Ночь теплой, и светлей, и щедрей,
чем вчера.
Хороши, хороши на земае обласованной,
Из каляны твоей хороши вечера!

Мы летимся, как теплые ветры
весною;
Мир в два раза богаче сияет оный.
Все, что добыто днем и что есть
за душою,
Из рук в руки друг другу спешим
передать.

Мне тебе одарить бы не тем, что
достоину, —
Вот избежит, побродит бы
на Малеичном пути
И, как в детстве орехов, лимых, самых
крутых,
Шапку полную звезд для тебя
принести.

Так мне хочется, чтобы ты вечно
чего-то жалава,
Все добуду, лишь только скажи.
Назови.
И чего ни дарил бы я, все удивительно
мало
Для моей бесконечной, огромной любви.
г. Саратов.

Марк ШЕХТЕР

Доброе слово

Немало встречается злого
В иной человеческой судьбе,
А скажут лишь доброе слово —
И легче ни сердце тебе.

Но доброе слово такое
Но каккий умеет найти,
Чтоб справиться другу с тоскою,
Незгоды ослабить в пути.

Нет доброго слова дороже,
Единого слова того, —
Но редко, товарищи, все же
Мы вдух произносим его!

7 МИНУТ ИЛИ 20 СЕКУНД

7 минут затрачивается сейчас на сборку и центровку велосипедного колеса.

Станок-автомат конструкции молодого инженера Игоря Шарова эти операции производит за 20 секунд.

А на Московском автозаводе изобретение Шарова «мариноут» вот уже более двух лет.

— Почему! — спрашиваем мы начальника отдела изобретений Министерства автомобильной промышленности СССР тов. А. И. Смирнова.

Мне не раз приходилось бывать в цехе, где производится сборка велосипедов, видеть, как работницы в клеенчатых фартуках ловко прилаживают к рамам шкитки, багажники, вилки... Особенно поражала меня быстрота сборки колес: пять минут — и колесо готово! Правда, его еще нужно центровать — проверить на станке, все ли спицы одинаково натянуты. Но и сборка, и центровка, и третья операция — затяжка — производились так скоро, что однажды я вслух выразил восхищение:

— Как здорово идет дело!
— А по-моему, плохо! — отзывался старший мастер отделения сборки Иван Ильич Аредов.

— Чем же плохо? — удивился я.
— А что хорошего: пятьдесят человек делают вручную то, что мог бы сделать один автомат!

— Не придумали еще, видно, инженеры такую чудесную машину.

— Обязательно придумают, — сказал Аредов и добавил: — Надо, чтобы придумали.

Несколько месяцев спустя я

снова встретился с Иваном Ильичом.

— А все-таки я был прав, когда говорил, что придумают конструкторы машину для нас, — сказал он, поодоровавшись. — Инженер Шаров этим делом занялся... Зайдите посмотрите. Одни говорят — смею задумано, другие считают пустой фантазией.

Шарова я отыскал в самом конце огромного конструкторского зала.

— Сядьте, — сухо вот предложил он.

На его столе рядом с плотными листами ватмана лежали шестеренки, болты, гаечные ключи. Эти детали как-то не вязались с чистенькими вертикальными досками для черчения, с готовыми, хранящимися в сейфах бархатных недрах сверкающие никелем чертежные принадлежности.

Шаров подошел к соседнему столу, на котором возвышалось что-то, прикрытое бумажным кожухом, снял кожух, и я увидел машину со множеством дисков, шестеренок, рукояток, рычагов.

— Лучше всего понять, что и

как, когда автомат в действии, — заметил Шаров. — Главный принцип работы машины — использование центробежной силы.

Он включил мотор, и детали механизма стали совершать предельно быстрые движения. Одни двигались поступательно, другие вращались, третьи сжимались, словно пальцы, в щепоть... Каждая из велосипедных спиц, хранившихся в железном бункере, устремлялась в предназначенное ей одно отверстие во втулке. В одно мгновение получились своеобразный стальной цветок со спицами вместо лепестков. Цветок быстро вращался, сливаясь в сверкающий диск. Внезапно вращение прекратилось, и нельзя было уловить момент, когда концы спиц соприкоснулись в отاورствии, пробитых в ободе. Механические отверстия, расположенные по окружности, дружно приняли закреплет спиральными спицами. Через десять секунд колесо было готово!

Как же зародился конструкторский замысел, как преворился он в действующую модель автомата? Игорь Шаров частенько наблю-

Такии дополнительным способом производится сейчас затяжка спиц.

Радам с нонейвером работницы вручну собирают колеса

Фото Г. Борисова.

дал за работой сборщиц колес. Как и старший мастер отделения сборки Аредов, он не восхищался, а возмущался растратой человеческого труда. В те дни и возникла идея создать автомат.

Игорь анализировал работу конвейера, мысленно расчленил производственные операции на отдельные элементы, думал над тем, какие детали автомата способны выполнять ту или иную операцию сборки. Кривошипы, эксцентрики, кулачковые валки, мальтинские кресты и множество других деталей он мысленно связал в единый механизм.

Как всякий творческий поиск, дело было увлекательным, интересным, радостным. Но, как ни странно, заводские руководители к идее Шарова отнеслись удив-

Даже спицы в обод вставляются вручную.

тельно холодно. Выслушав молодого инженера, главный конструктор сказал:

— Насколько мне известно, сборка велосипедов—вопрос технологический, а не конструкторский. Не свое поле пахать!

В технологическом отделе изобретатели тоже встретили без энтузиазма. Начальник группы станкостроения Сергей Петрович Петухов заметил, что никому не возбраняется экспериментировать на свой страх и риск...

Бояться Шарову было немного. Что касается риска, то рисковал он только одним—временем. Чтобы доказать правильность своих расчетов, надо было построить действующую модель автомата. Но это оказалось нелегким де-

картона папирозной коробки. К сожалению, Шаров не сберег эти детали. А ведь знакомство с ними помогло бы лучше проследить направление творческих поисков молодого конструктора. Как, например, ему удалось добиться, что импелли, эти полые зипитки, вымощие ножки и колпаки, всегда выходят из бурера ножкой вперед—хоть точно же навинчивай их на конец спицы!

Многие детали Шаров делал тут же, в конструкторском отделе, на специальных тисках, прикреплённых к столу. Работал он чаще всего вечерами. Иной раз кто-нибудь из зашедших конструкторов говорил ему в шутку:

— Игорь, зынешь послужил эскерью—кесарю, а спесью—

танин модель потеряла аварию. И, как это часто бывает, недостатки механизма сразу приснились какой-нибудь подручной весельчак изобретатель.

Вспоминая об этой неудаче, Шаров говорит:

— До сих пор себя ругаю... Сами виноваты, что так опростоволосился. Всегда, подручки все сразу перевести рычажком. Вязальная система, та самая, что собирает спицы в цветико, стала работать с большой скоростью и разрывалась, что оказалось недостаточно прочным.

Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Авария заставила Игоря придумать блонированный механизм, автоматическую прерывающую действие автомата не только в случае малейшей поломки, но и тогда, когда, скажем, одна из ста деталей колеса окажется с дефектом.

После ремонта модель получила более совершенной. О ней весьма лестно, правда, с большим опозданием, отозвался начальник заводского бюро рационализации и механизации Д. И. Дмитрий Левешин, выступавший в студии телевизионного центра.

Однако и после этого дело не сдвинулось с мертвой точки. Главный инженер завода Константин Васильевич Струганов, к слову сказать, большой поклонник автомата, одобрил изобретение Шарова, но проследить за дальнейшим ходом новшества не сумел. А начальник бюро станкостроения Сергей Петрович Петухов попрежнему сохраняет позицию нейтралитета. Так оно спокон веку.

До изготовления станков-автоматов сейчас почти так же тяжело, как и в тот день, когда главный инженер поощрял Шарова:

— Выделили вам в помощь пять конструкторов. Сдавайте побыстрее рабочие чертежи, и закажем на детали для автоматов мы дадим «зеленую улицу!»

В помощь Шарову выделили не пятерых, а лишь двоих конструкторов, да и то из числа весьма неопытных. При всем желании они пока не могут помочь изобретателю.

А время идет. В сборочном цехе попрежнему орудуя «вставленные спицы», вручную завинчивают колеса. Попрежнему старший мастер сборочного отделения Иван Ильич Арадов сетует на таскет. А ведь автомат Шарова можно установить на площадке, занимаемой двумя письменными столами, такими, например, как тот, за которым сидит начальник бюро станкостроения С. П. Петухов.

— На сборку и центровку одного колеса опытная работница затрачивает семь минут. Автомат Шарова эту операцию может бы сделать за пятнадцать—двадцать секунд... Когда я записал эти цифры в блокнот, Шаров пососветовал мне:

— Подсчитайте-на на досуге, сколько человеческого труда сэкономит наш завод, если бы автомат построили год назад...

А время все идет... Недавно на заводе загорелись от того, что в связи с необходимостью добиться экономии, решили отказаться от прицепки велосипедов поручат выпу-

скают другим заводом. И тотчас же нашлись советчики:

— Брось ты, Игорь, к чертам себя! Автомат! Пусть другие с этим делом возятся!

Шаров не сдаётся. Он верит, что автомат все же будет построен! Ведь в Директивах XX съезда партии по шестому пятилетнему плану... И эти слова обещания дальнейшего технического прогресса, повышения производительности и облегчения условий труда резко усилили темпы исполнения работ и выдвинули в промышленность в широкие масштабы автоматизацию производственных процессов. Этого требуют партии. И это будет важно!

Игорь ясно представляет, какими будут новый чех сборки велосипедов.

«Рабочий закладывает в буреры спицы, аттудит обода, импелли. Девушка-оператор, сидящая в легком алюминиевом кресле, нажимает кнопку, и автомат оживает. Механизм подает направление обод сборочнику. Из колоды стальной шпунцовой проверяют, нет ли заусенцев в отверстиях обода. «Зубевшишк», что все в порядке, автоматическая рука ставит на место втулку, нависающую спицы. И вот возникает стальной цветик. Еще пять секунд—и колесо собрано и проверено...»

На Московском автозаводе—5 тысяч изобретателей и рационализаторов. Здесь рассказано об одном из них. Герою очерка приходится нелегко. Это труднее добиваться успеха, чем это обходилось одновременно и конструкторским и слесарным способностям. На главном конвейере знают, сколько времени понадобится слесарнику Валентину Парамощину, чтобы доказать ценность предложенного им новшества. Знают на заводе, какую борьбу выведет, да и теперь придется вести цеховая нормальщик Валентину Антропову, чей пылтивный ум изобретателя не дает работникам технической части пребывать в дремотном состоянии.

Минимум из 5 тысяч приходится очень и очень трудно.

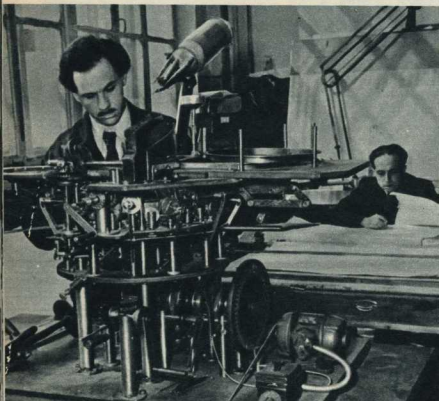
— Что же нам делать?!—разводит руками начальник бюро рационализации изобретательства.—Нет на заводе экспериментальной базы.

О том, что во нет, рационализаторы слышали и десять лет назад. Исследования специально заказаны быть созданы. Этого требуют интересы производства. Этого требуют рационализаторы завода. И завлекала их будет вдвое, втрое больше, если удастся и устроить помощь людям, создающим новую технику.

Во всяком случае, будь на заводе мастерские и лаборатории, предназначенные специально для нужд рационализаторов, изобретатели и другие новшества проходили бы путь от признания к внедрению без столь возмутительных исследований. И не пришлось бы инженеру Игорю Шарову, отмечая раз в месяц карандашом на дверном косяке, как растает сынишка, с горечью думать, что дело «автомата» развалилось. Серджи—подкастает куда медленнее, чем следовало бы.

И. ЛЕМЕРИК

Московский автомобильный завод.

«Когда же наконец дадут ход моему изобретению?»—размышляет Игорь Шаров.

лом. Для изготовления деталей требовался труд кузнеца и литейщика, сварщика и токаря, зуборезчика и шлифовщика. В порядке любознательности молодые рабочие цеха могли по просьбе Игоря изготовить одну, две, пусть даже десятков деталей. Но в автомате их должно было быть больше тысячи...

— Вы хотите знать, обращался ли я за содействием к начальству?—спрашивает Игорь.—Обращался, да еще сколько раз! В футбольный мяч превратили: от одного начальника к другому големик.

Шаров сам взялся за построение модели автомата, сам стал строить, обтачивать, шлифовать детали. Мало, оказывается, знать теоретическую механику и теорию механизмов. Надо уметь строить эти механизмы.

— Как хорошо, что у нас, в Бауманском училище, заставляли не только головой, но и руками работать!—не раз говорил молодой инженер своим друзьям.

Чистовой, окончательной модели автомата предшествовали десятки черновых вариантов. Какие только материалы не шли на изготовление! От алюминия до...

стальсварной. Та же дупля—конструирование, а детали пусть в экспериментальных мастерских делают.

Но таких мастерских на заводе пока нет, и Шарову пришлось собственноручно изготовить тысячу с лишним деталей и узлов.

На мой вопрос, почему не помогают Шарову, комсорг отдела главного конструктора Виталий Васильевич ответил:

— Видите ли, у каждого из наших инженеров и техников есть свое задание, своя тема, так что думать о других делах не остается времени.

Но ведь и Шаров имел свою тему, кажется, по расчету колебаний автомобильных деталей, и все же он вынужден помочь конструкторам велосипедов. Молодой инженер шел делом чести облегчить труд многих людей, внести свой вклад в дело технического прогресса.

Два года трудился Шаров над моделью. И вот наконец она готова, эта неказистая на вид модель, «кофейная мельничка», как окрестил ее кто-то из местных остроумцев. Будет ли она действительна? При первом же испы-

Алексей КУЛАКОВСКИЙ

ЭХО

Рассказ

Затила, притаилась в поздних сумерках речка Ложбинка. И густая трава луга потемнела, токи словно притаились в ожидании благотворной росы. А роса выпадет в обильная, потому что день сегодня стоял жаркий. Уже теперь дымится над речкой туман. Сизоболой легкой плывет он вдоль берегов, зарисовкой легкой, повторяя прихотливые повороты русла, уходит далеко-далеко, под край небосвода.

По небу расплылась багрянец, постепенно переходя в светлую желтизну. Это восходит месяц. Скоро займет он серебристым светом густые в сумерках кусты лозняка, лесок, что сияет недалеко от речки, где изредка сновоз поладумеру подает свой голос кулики.

Весь день у речки звенели песни. На эвальной опушке отдымала и веселилась молодежь. Райком проводил здесь праздник песни.

Сказать по правде, больше всех старалась хорошо подготовит этот праздник Надя, зведующая отделом учащейся молодежи и пионер. Первый секретарь райкома подобрали «смакотами» обычно не интересуются. Второй занят: он заочник, засеял перед сессией за учебники.

На праздник песни Надя пригласила товарищей из соседнего района. Прикатил на мотоцикле секретарь райкома Николай Ванесов и с ним Маша — дивная приятельница Нади, инструктор обкома комсомола.

Надя дирижировала сводным хором школьников.

Маша притронулась к старшейклассницкам. Светловослая, в таком же, как на всех, белом платье с тугим пояском, с короткими рукавчиками, обнажившими покрытые смуглым загаром руки, инструктор обкома ничем не выделялась среди девочек. Она была невысокая, стройная, с нежным овалом лица.

Николай подошел к ребятам. Надя видела его обветренное лицо и черные, как смола, густые волосы.

Дирижерка, Надя напевала. Она зела хор голосом. Рухи плохо ее слушались, особенно когда она думала о своих дирижерских обязанностях. А голос у Нади сильный и в то же время мягкий, душевный, удивительно красивый тембра. Все хористы его слышат, а из дужного созвучия голоса он не вырывается. И еще помогали Наде управлять ансамблем глаза, ее выразительные карие глаза. Услышав она еще удивительную неслезливость, гаймет туда — и ребята, поймая этот взгляд, сразу находят верный тон.

Порой взгляд Нади останавливался и на Маше, но совсем не для того, чтобы поправить подругу: Маша очень музыкальна и уйну песен знает наизусть. Ей хочется пересказывать взгляд подруги, чтобы сильнее ощутить торжественность минуты. А когда Надя переводит глаза на смуглое лицо Николая Ванесова, голос ее начинает дрожать, как натянутая стру-

на, и верхние ноты звучат очень красиво, вальсующиво.

После песен затеяли игры, а когда стемнело и младших школьников отравили домой, был разложен костер. Подле костра все вели себя, как дети: прыгали через огонь, бегали наперегонки. На весь лесок звенел веселый смех Маши, Заводилой и атевнишей! Маша была превосходной, и все у нее получалось легко и просто. Каждый ее жест хотелось повторить, каждое слово прибавляло веселья.

Потом огонь стал поменьше загустел, стучен больше не подкачивали, да и мало их было: лесок молоденький, послевонный.

Ванесов завел мотоцикл и принялся учить хлопцев, как садиться, давать «газ», держать руль. Девчата пошли на речку. А Надя с Машей остались возле угасавшего костра.

Кто-то вдруг вскрикнул у берега. Надя вскочила с побледневшим лицом, прижала ладони к щекам, прислушалась.

— Что с тобой? — удивилась Маша.

На речке засмеялись. Надя снова села рядом с подругой.

— Тут у нас в прошлом году тонули... — Кто?

— Я и еще маленькая девочка. У нас пионерский сает был здесь. Теперь я побоялась воды. Вспоминишь про тот случай — прямо в глазах темнест...

— А и два раза тонула, — сказала Маша. — И ничего. Зато теперь плаваю хорошо! И знаю, что никогда не утону.

— У меня это случилось, знаешь, не так просто, — начала рассказ Надя. — Я уже умела немного плавать. Когда девочка закричала, я сразу не сообразила, что она тонет. Потом вижу, нужно спасать, и ноги словно приросли к земле. Все же я бросилась в воду, но дальше уже ничего не помню. Какой-то шум, желтые круги над

Рисунки Э. Булатова и О. Васильева.

головой. Раскрыла глаза, вижу Кольку Ванесова. Стоит подле меня на коленях, с его костюма стекает на траву вода. Рядом отключают заллебующую девочку... А Лупинович, наш первый секретарь, расхаживает по берегу в сухой майке, начальнически искривляет, размахивает руками. «И здесь командует! — горко подумалось мне. — А сам даже ног не замочил!» Потом я узнала, что Николай — он тоже был на слете, — услышав крики, но расхаживая, с разгону бросился в воду, и как раз тогда, когда девочка нырнула в меня и потащила за собой. Еще секунда — и мы обе

Вот он, красавец самолет «ТУ-104»,
самая скоростная из пассажирских ма-
шин подобного класса.

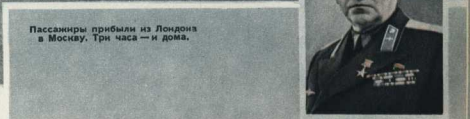
Фото В. Тюкнеля.

За штурвалом — летчик-испытатель Ю. Т. Алшеев.

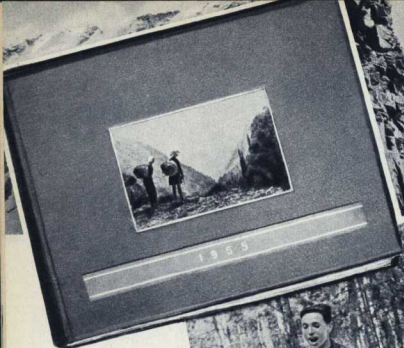
Одно из преимуществ новой машины: она летает на высоте до
10 тысяч метров. Здесь нет болтанки, редки грозы, летишь тихо,
спокойно.

Пассажиры прибыли из Лондона
в Москву. Три часа — и дома.

Герой Социалистиче-
ского Труда инженер
А. И. Туполев.

В

Заоблачный

Альпинисты любят фотографировать и фотографироваться. В походе они не расстаются с аппаратом, а вернувшись домой, старательно выкладывают в альбом снимки, повествующие о покорении заблачных высот.

Вот такой альбом вы и видите в левом верхнем углу этой странички. Он принадлежит члену спортивного общества «Крылья Советов», инженеру-конструктору М. Трахтману, который недавно участвовал в восхождении на одну из кавказских вершин.

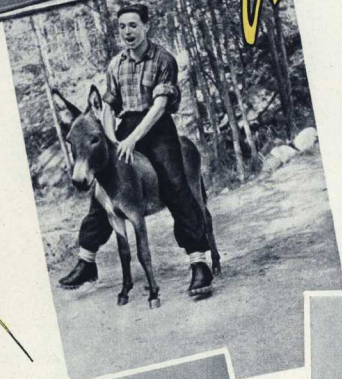
Для того, чтобы перебросить свои вещи и продукты в горный лагерь, альпинисты приобрели ишака. Этому приобретению они были очень рады, и один из них не удержался от того, чтобы не погладить на скакуне.

Иные снимки более прозаичны: на земле стоят котелки и кружки с нехитрым альпинистским завтраком из концентратов. На следующих фотографиях запечатлено, как преодолевали альпинисты снежные поляны, как перепрыгивали через теснины ледников, как останавливались на привал и ставили палатку. Последний снимок — плана лирического. Один из участников восхождения исполняет на губной гармошке «Высокогорный вальс», двое танцуют, а четвертый сидит поодаль, поливая руи на юбки: для него нет пары.

В альпинистском походе героическое часто соседствует с комическим. Бесстрашный объектив аппарата не в силах запечатлеть то, что может «схватить» острый, наблюдательный глаз хулиганско-юмориста. Поэтому автор альбома не только фотографировал, но и рисовал. Ну что же? Вывают и курьезные случаи. Но альпинисты не огорчаются. Их девиз — вперед и выше! Они поворачивают один пик за другим, и над вечными снегами, над ледниками слышится их задорная, шутивная песня:

Пусть на море обыватели
Окружают ордаками,
Мы ж вершин завоеватели,
Наше дело — альпинизм!

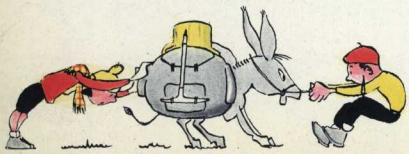
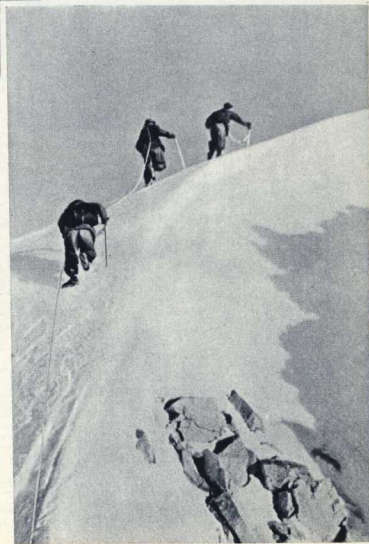
Б. АНДРИАНОВ

— Спокойно! Снимаю...

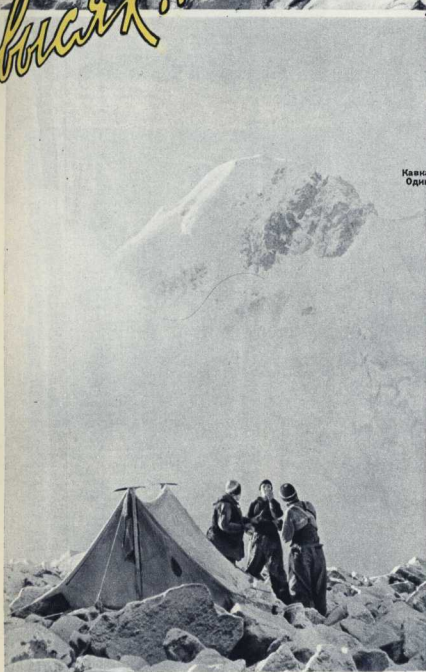

Ишак вал себя плохо. Как ни тянули его за уздечку, как ни толкали сади, покляму нести он не хотел.

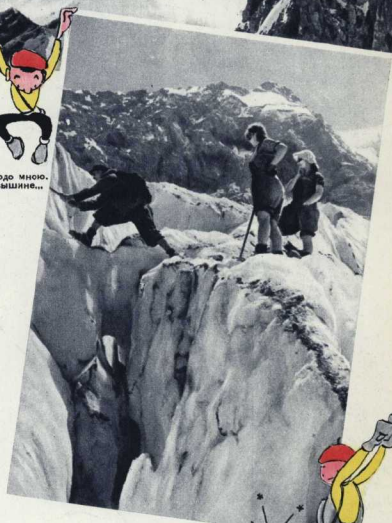

К
всех...

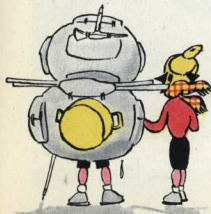

Кавказ подо мною.
Один в вышине...

Ну и трудная же это работа!

Юноша был дисентерменом. То, что
отказался нести ишан, он нагрузил
на себя. Девушка пошла рядом.

На вершине блаженства...

*Ромео
и
Джульетта*

В дни, когда отмечалось 340-летие со дня смерти Вильяма Шекспира, по московскому телевидению была показана одна из его бессмертных трагедий, «Ромео и Джульетта». Все роли в этом спектакле исполнили не профессиональные актеры, а рабочие, служащие, студенты, школьники старших классов — участники художественной самодеятельности Дворца культуры Московского автозавода. Обаятельный образ Ромео создал выпускник 308-й средней школы Геннадий Зинцов. Роль Джульетты сыграла учащаяся Эмилия Сирота, роль нормилицы Джульетты — студентка Светлана Федорова, сенюра Капулетти — инженер Георгий Михайлов, друга Ромео — лаборант Илья Бульчев, монаха Лоренцо — студент Эдуард Новицкий. Спектакль «Ромео и Джульетта» молодые автозаводцы покажут на предстоящем VI Всемирном фестивале молодежи и студентов. На снимках — сцены из спектакля.

Фото А. Моклецова и О. Гудкова.

Неверную позицию, позицию неумелства, занял коллектив, в котором находилась Люся. Почему, знала ее ее личностные качества и инстинкты, молчали девушки, ее подруги? Именно на коллективе, на групповом моральном уровне произошла совершившаяся. Ведь мысленно предвосхищая возможные варианты, которая оказалась страшной по своим последствиям.

Воспитательная роль коллектива велика. Приведу пример из жизни пионеризации. В пионерском пронашном в одной из комнат студенческого общежития, где жили не знакомые никому ребята и студенты часто отлучалась с ними неизвестно куда, возвращалась поздно, иногда пьяная. Казалось бы, типичное поведение. Но товарищи не прошли мимо этого, заинтересовались, с нем и как проводят время их личную жизнь? «Вы не умеете петь!» — говорили они. Но коллектив не судьбный эксперт, который констатирует и доказывает факты уже совершившихся аварийных поступков. Именно в том и заключается сила коллектива, что он вовремя подталкивает к адекватным нехорошие черты поведения,

своим воздействием помогает изменить, выправить недостатки. Я не называю имена этих девушек — они не помню, как звали и исправили их. Более того, они горячо благодарны товарищам, которые помогли им в их возрасте.

Все это рассказал для того, чтобы стало ясно: коллектив профессионалов может предотвратить трагические последствия. Вспоминаю и Сутокниных. Не после суда додумалось бы развернуть горячие споры, а наметившись, в итоге только стало известно о запущенности ситуации. Не было ни с одной стороны наблюдателей в таких случаях надо быть, а борясь за дело, но вне общего дела, и Гуманзин советского общества проработал в качестве наблюдателя к людям, и в принципиальном, решительном осуждении их ошибок. И в забота о человеке, и в поддержке переводов и помощи отстояния, в стремлении удержать каждого в боевом строю, в коллективе.

В. ВАШЕНКО
заместитель секретаря комитета ВЛКСМ Сельскохозяйственной К. А. Тимирязева

НЕ МЕШАЕТ ОТГЛЯНУТЬСЯ И НА СЕБЯ

По поводу вопроса, затронутых тт. Выгоднов и Сутокниных, мы хотим высказать мнение, которое сложилось у нас после горячего спора.

Из сказанного в статье вытекает, что Эрик страстно полюбил Люсю и признался ей в этом. В первый раз Эрик полюбил Люсю, когда она не сказала и, следовательно, был типично — «люблю-люблю-не люблю». Она промолчала.

Однако через две недели Эрик полюбил Люсю. Какое же было различие? Кажется, все ясно. Но хотелось бы сказать еще раз. Разве столько можно любить (не Люся) — так он, Эрик? Если она этого не поняла, он за нее не отвечает. Но почему же юноша не подумал, что Люся имеет право любить другого?

Если бы Эрик по-настоящему любил Люсю, он бы сразу же сообщил ей, что он ее любит, глядя она его видит. Но этот развлекательный полонителительной по сути своей Эрик. Он забывает только о себе, о своем счастье и поэтому начинает буквально преследовать девушку, не понимая и не желая понимать его просимые, что настолько, что не бессилен.

Нельзя ставить Люсю в упрек ее

любью и Николаю, пользующемуся сомнительной репутацией. Из статьи видно, что Яблонов любил Люсю и любил очень сильно. И, может быть, это чувство в дальнейшем перенеслось на Николая, когда он узнал о предательстве на Люсю, побуждая обратиться к друзьям и к Люсе.

Люсю упрекают в том, что она любила вела «двойную игру». Но откуда бы ни исходила инициатива со стороны товарища по учебке? То, что Люся не могла сразу же отказаться, уступая, повидимому, его настоятельным просьбам, вовсе не означает, что она любила Николая. Она попрежнему любила Эрика.

И, наконец, последнее. Совсем не обязательно отчитываться в своих современных журналах перед всеми окружающими, ибо о любви, тем более о предательстве, говорят только сами близкие.

Студенты МГУ Б. КАЛЧЕВ, Л. СТАНАНОВА, А. КАМНЕВ, Г. БУЛАТОВ

МЕЛКОДНЫЕ НАТУРЫ

Прочитав статью Л. Выгоднова и Я. Сутокниных, мне очень понравилось не только поведение и поступки обоих героев, но и тонкие наблюдения, и сжато, и неспешно, и правильно характеризуют героев. В статье много интересных фактов, а также готовыми оценками. Нам кажется, что отношение самих авторов к действительности не совсем предвзвешено. Будем говорить не как в статье, а как в жизни, и как в романах, но раз обсуждая в спорах вопросы любви и дружбы.

Вспомню, как влюбленный Эрик замечал недостаток Люси и жил только своим чувством. Тут не могли помочь ни советы друзей, ни предостережения старших. Он держался азимутально, несмотря на холодное отношение к нему Люси. Но ее двойная игра усложнила положение. Эрик не понимал, что влюбился неясно. Он пытался завоевать ее, стараясь, безусловно, имея больше шансов, чем Николай, хотя бы по своим достоинствам и по личностным качествам. Как красочно описаны авторами.

А. выходят, наоборот, Яблонов она, которая возмущается и впадает на Люсю, чем Эрик. Почему же так? Потому что Николай и Яблонов «правда» на любовь Люси. И если авторы показывают нам Николая, то не в том, что он «привычно» садится в трамвай на ходу, а в том, что он не знает, правду ли говорит его любимой Люсе, она только была у нее, и думает, что он недостойн любви, а Эрик достоин.

Яблонов, скрывая свое прошлое и действительное образование, го-

ворит, что окончил десятилетку. Но это только по неосторожности. И, конечно, не важно, ведь можно было бы так, что Яблонов, как и Николай, не был бы человеком с образованием, не хотел, чтобы она была, что она была, что она была.

Почему же она не отбывала взаимностью Эрику, она его полюбила? Почему же Эрику не удалось привлечь внимания Яблонову, хотя и не удалось, что она его отрицательно не считала?

Этот вопрос мы предоставляем решению самой Люси — пусть она добавит свое сердце тому, кто ей больше подходит, не будем навязывать ей Эрику, делая ее своей рыцарь. А по-нашему, Люси и не думала, что она была, что она была, что она была.

Этот вопрос мы предоставляем решению самой Люси — пусть она добавит свое сердце тому, кто ей больше подходит, не будем навязывать ей Эрику, делая ее своей рыцарь. А по-нашему, Люси и не думала, что она была, что она была, что она была.

Ю. МОРОЗОВ, В. ГРИЧИН
Н-ская конная часть.

Рисунок Е. Ведерникова.

Разве вправе была Нина так вести себя? У нее есть дочка, которую она должна воспитать. Да и самой ей нужно окончить техникум, а растить ребенка и одновременно заниматься еще тенью. Я хотел помочь ей подготовиться к экзаменам, но она отказалась. После этого ни о какой дружбе не могло быть и речи, потому что всему бывает предел.

Дорогие товарищи, мне очень хочется, чтобы вы помогли разобраться в таком вопросе не только мне, но и многим другим товарищам.

Монет быть, вы подскажете, как помочь Нине Д., чтобы она не ссорилась, а хорошо закончила техникум и выросла бы дочкой?

Г. ПЕТРОВИЧ
г. Ленинград.

ЭТОГО МОГЛО НЕ СЛУЧИТЬСЯ, ЕСЛИ БЫ...

В годы, когда зарождалось Советское государство, мое поколение было в возрасте героев статьи Выгоднова и Сутокниных. Мы тогда дружили и любили, но только эти два понятия у нас никогда не отождествлялись.

Сначала встречается с Николаем. Она видит в нем только интересную личность, но для нее не типичный партнер в танцах, и, если верить авторам, Люся любит Юсю только за это. Любит ли ее Николай? Мы не знаем. Но он, понимая любовь как власть над девушкой, как право на собственное, считает, что любит ее, и действует согласно своим понятиям. А что из себя представляет Эрик, хороший товарищ в коллективе, инстинктивный, педагогический друг? Этот герой любовь понимает опять-таки как власть над девушкой: он не принимает ее отцу, какое ему дело до ее чувств и поэтому, раз он выбрал ее, раскусывая так, Эрик не дает повода Люсе, преследует ее, добиваясь взаимности, пока наконец не становится в глаза на глаз с Николаем, своим соперником.

Сцена в парке, по-моему, — поворотный момент в отношениях между Люсей и Николаем. Хулиган предъявляет свое право на девушку и пытается понять, что она она, дело, с нем дружила, него любил.

Это открытие и толкнуло, видимо, девушку Бине и Эрику. Почему Люся о том, что она, вероятно, поврат с Николаем, как только он уйдет в армию, были продиктованы страхом перед Яблоновым. Вот почему, хотя все сироту загорается к Люсе, она не считает ее главной виновницей.

И на слова авторов: «Это могло бы не случиться, если бы Люся...» — мне хочется сказать: этого, конечно, и не случилось бы, если бы родители Люси не были столь бедны в воспитании девочки-подростка, грубые выкидыши в интересах дочери, приглядывались к выбору ее друзей.

Почему неразрешимо явлено не было бы места среди молодежи, с Николаем и предпринял неверные шаги.

И, конечно, этого не произошло бы, если бы в Люсе, Эрике и Николае с детства было воспитано чувство собственного достоинства, чувство уважения и другим людям.

С. НОВИКОВА,
учительница-пенсонерка.

Г. Молотов.

ВИНОВАТА, КОНЕЧНО, ЛЮСЯ

Во имени виновата Люся. Если она согласилась дружить с Николаем, то должна была повлиять на его поведение, и я уверена, что со временем Николай изменился бы. Люся же этого не сделала. «Я дружим ее дружить» — Николаем можно назвать настоящей Конечно, нет. Спрашивается, какая же

это дружба, если между ними не было искренности, откровенности, честного отношения друг к другу? Ведь они не друг друга обманывали. А это уже не дружба.

А. ЧИЧКАЛО
г. Кривой Рог.

НАШ ОБЩИЙ ДРУГ

Внешне Вера Никифорова Семенова была спокойна. Пройшла по коридору, перекинула двумя — тремя словами со встречными девушками, задержалась у доски объявлений.

Вошла в свою комнату, плотно прикрыва дверь и с облегчением вздохнула: наконец-то одна! Теперь можно не скрывая волевать и обдумать все случившееся.

В глазах стояла Нина. Какой она казалась жужкой, далекой, когда бросала в раскрытый чемодан свой платок, коврик, любимые фотографии. Шестнадцать раскраснелась, волосы были распрямлены. Вера Никифорова подошла к ней, спрыскала негромко:

— Ты окончательно решила? — Да, — отвечала Нина, не оборачиваясь. — Можете на мое место устроить другую, больше я сюда не вернусь...

...Как же все это произошло? Вера Никифорова знала Нину учительницей, жизнелюбивой. Девушка любила театр, кино, вечера самодеятельности, увлекалась спортом. В цехе она была аккуратна и старательна.

И вдруг все изменилось. Нина стала избегать подруг, чуждалась соседок по комнате, товарищей по цеху. Иной раз даже опаздывала на работу, приходила домой поздно, а влетером вновь убегала куда-то.

Девочки рассказывали, что Нина подружилась с какой-то женщиной — это было странно, но все и пошло. В конце концов приятельница уговорила Нину уюльнуться и вместе уехать в другой город повсюду счастья, «красивой жизни» — она так говорила.

И вот Нина уехала. Из окна Вера Никифорова видела, как бывшая ее воспитанница шла по улице с чемоданом в руке. Выглядела нехорошо, хромала самой себе. Ей, воспитаннице, доверили двести девять, двести разных характеров, двести разных сердец, которые надо спаять воедино.

Нина крепко хранила секрет. Она может быть мignon и деликатной, суворой и твердой, но всегда должна быть отзывчивой и принципиальной. А главное, хорошо звать их всех. Это, конечно, нелегко, даже больше, это очень трудно. Но, скажем, Лиза Легостаева. Сколько раз доставала она Вера Никифоровой!

Самодуринная, резкая, своевольная, она лишь вошла в общежитие, а уж Вера Никифорова поняла: эта девушка будет верховодить всеми. Легостаева заняла душой все место в комнате, повесила над кроватью холщовый, пестро раскрашенный коврик, на котором девочка с ядовито-зелеными курами восседала верхом на малиновом — рядом верхом на синеватой фотографии киноартистов.

Однажды воспитанница вошла в комнату, где жила Лиза. Девушки, сидящие у стола, испугались, смущенно передвигаясь, но Легостаева осталась сидеть. Возле нее были разбросаны карты и несколько рублевых бумажек. Вера Никифорова застала себя спящей у окна, а девушка, держа взгляд Лизы, взяла со стола несколько карт, взгляделась.

— Неужели проигранные? — А как же! — Лиза усмехнулась. — Никит карты настоящие не уступят.

Девушки смеялись, восхищенные смелостью своей подружки, а она, подзадоривая их улычками и взглядами, продолжала:

— Вот что-то дуемса. Хорошая игра!

— А по-моему, неумная игра: не умения, ни смекалки не требует, — смеяночно возразила воспитанница. — А кто эти карты рисовал? — Да хотя бы и я, что с того? — вымывала спросила Лиза.

— Начево. Хорошо рисуюсь... Налукусо спохобанье покинуло Вери Никифорову, как только она осталась одна. Карточная игра на деньги — этого еще не хватало!

Казалось, еще немного — и она сказала, уйдет из общежития. Но каждый день к ней снова прибегала девушка со своими заботами и радостями, с просьбами и жалобами. И Вера Никифорова оставалась. Она шла, говорила с начальником цеха, мастером или директором комбинации, и не было случая, чтобы не добился своего.

А вот с Легостаевой, как ни старалась, ничего не выходило: пыталась откровенно поговорить с ней — Лиза беззастенчиво обманывала ее, пробовала воздействовать строгим внушением — Лиза только смеялась.

«Неужели еще одна ошибка?» — думала Вера Никифорова, — сначала Лиза, потом Лиза... Однако теперь она уже поняла: безвольную Нину надо было подчинить себе, вырвать из-под влияния плохой подружки. Может быть, тогда стоило и прайкнурить на нее и казакать. С Лизой так нельзя: она девушка с характером. Здесь нужен другой подход.

Что ни день, Лиза доставляла воспитаннице новые хлопоты: она плохо влядала на работу, небрежно работала в цеху.

Вера Никифорова решила пойти в комитет комсомола посоветоваться. Оказалось, что и там уже не раз говорили о Лизе Секретарь комсомольской организации считала.

...та, что Легостаева — человек энергичный, способный, но дисциплины подчиняться не умеет, да и не хочет. И ничто ее не интересует.

И тогда Вера Никифорова вспомнила зарисованные Лизой карты.

— Вот это — решительно сказала воспитанница. — У меня появилось одна мысль. Что если попробовать сделать так?

Вечером, после смены, к Лизе подошел бригадир — член цехового комитета комсомола.

— У меня к тебе просьба, — сказал он. — Нужно оформить стенограммы: автокопировать, карикатуры кое-какие сделать. Ты, говорит, мастер спросила...

— Ну, уж мастер! — улыбнулась Лиза, однако чувствовалась, что она польщена.

— Соглашайся, Лиза, — подошли к ней девушки, — помоги нам.

И вот вышел первый номер стенограммы, оформленный Лизой. Она постаралась. Карикатуры вызвали дружелюбный смех, все кругом хвалили Лизу, и она, подобра, согласилась оформить газету и в общежитии.

— Только как быть с карикатурами? — спросила одна воспитанница. — Я ведь здесь недавно, еще не все знаю. Может, вы подскажете?

— Вот тебе тема, — ответила Вера Никифорова. — Мы должны бороться за культурный вид комитетов в общежитии. Ты ведь знаешь: нет еще у многих девочек настоящих, хороших вусов. Нарисуйка ты комсомолу, в котором на стене висят открытки с амурами, всякие там безвкусные коврики, картины, — одним словом, пройди по комнатам, сама увидишь.

— Хорошо, — поемдил, согласилась Лиза.

Вера Никифорова больше не

чего не сказала Лизе. Не сказала и тогда, когда, придя к ней в комнату, не увидела на стене коврика с зеленеловыми девчонкой.

...еще учась в школе, Вера Семенова решила стать педагогом. Подруги мечтали о театральной студии, а геологическом институте, а она сказала себе так и навсегда: «Буду учительницей. Ей же желаю: «Сбылось. Вера с отличием закончила педагогическое училище.

И вот новый промышленный район города Калинин, куда ее послали работать воспитательницей. Никогда не забыть Вера впечатлений первого дня самостоятельного жизни: светлый коттедж общежития, звонкие девичьи голоса, гулко разносившиеся в тишине коридора.

Семенова решительно вошла в одну из комнат, назвала себя, присела. Девушки ослепли ее с ног до головы.

Она спрашивала, откуда они, где работают, довольны ли своей жизнью; они отвечали будто через силу, наمشкаивно, опущенная в каждом слове улыбка. Вера Никифорова услышала брошенную след реплику:

— Сама еще девочка, а куда же, воспитывать нас хочешь!

...Она было обиделась выдержкой, тактом, большой любовью к своему делу, чтобы, не замечая открытые насмешек, а подчас и явоченный пренебрежение, терпеливо, день за днем завоевывать у девушек доверие и уважение.

Прежде всего она решила организовать актив, на который можно было бы опираться в работе. Таких активом не стало. Вера Никифорова решила сделать человек. Ее помощницы следили за чистотой и порядком в комнатах, устраивали вечера самодеятельности, помогали проводить культипоходы в кино, театр, музеи.

Каждый день приносил Вера Никифорова новые заботы, порой огорчения; реже, куда режее — радости. У нее был небольшой жизненный опыт, а ведь к ней то и дело обращались девушки с самыми различными вопросами. Она должна была подчас заменить им и учителя, и старшую сестру, и мать...

Вскоре Вера поустововала, как нужна она воспитанницам. И в этом гордом сознании своей необходимости, вводя поповозовый и есть то, что называется счастьем.

...Зеленоватые весенние сумерки ступают над землей. За Волгой раздвигаются тяжелые, медленно заходящие раскаты: первый весенний гром.

Вера Никифорова зажгла настольную лампу. В комнате тихо. Муж на занятиях в школе, она одна. Хочется собраться с мыслями, подумать о жизни, о себе, о своих девчатах...

Сегодня у нее радостный день: вернулась Нина. Она как-то внезапно появилась вечером дверь в комнату. Вера Никифорова и остановилась на пороге.

Воспитательница молчала. Она знала: Нина скажет все сама, без расспросов. И та рассказала. Сбивчиво, горлопано девушка говорила о том, как жила она эти полгода, как тосковала там, в далеком городе, по своим друзьям, по своему цеху.

Нина замолчала, и впервые посмотрев прямо в глаза Вера Никифоровой, тихо спросила:

— Возьмете меня обратно?..

Вера Никифорова Семенова среди своих воспитанниц.

Г. Калинин.

КАВЕРЫ НА ПЛОЩАДИ

Не так давно находившиеся в проходе в Москве чилийские киношники Рональдо Рамирес и Фернан Меса побывали в редакции «Смея». Рональдо преподавал сценарии курсов Архивариатуриного института в Сант-Иго.

Рональдо редактирует студенческую газету «Иларрида» и активно сотрудничает в коммунистическом журнале «Вистасо». То, о чем написаны Рональдо Рамирес, близко и дорого ему, так как он сам тесно связан с предивным круглым театром «Мувион». Этот театр политической сатиры широко известен не только на родине автора, но и в других странах Латинской Америки.

Фернан Меса учится в одном институте с Рональдо и тоже принимает деятельное участие в прогрессивной печати Чили.

Знойный летний вечер опустился на улицы Сант-Иго. Длинные косые тени деревьев легли на площадь в рабочем поселке Матте Ориенте. Эта площадь, о которой пойдет речь, носит название Пласа де ла Сиерра Белья — Чудесная гора — и представляет собой большой квадрат с массивной каменной эстрадой посредине. Эстраду соорудили, вероятно, и расчет на то, что до воскресных дней здесь будет располагаться военный оркестр, оглашающий окрестности звуками маршей и старинных вальсов, а тамошние жители, раздраженные, в нахрамахленных сорочках, парами станут прогуливаться по площади, приветствуя друг друга при встрече: «Добрый день, дон Мануэль!» «Да будут благословенны глаза, которые вас видят, донья Консепсион!»

Но на Пласа де ла Сиерра Белья военный оркестр никогда не играет, а что касается жителей квартала, то они предпочитают по праздникам спать подольше. Эти люди редко улыбаются, у них нет и модных костюмов, в которых можно было бы пошевелить воскресным днем. А замечательная эстрада пустует годами, зарастая травой.

Деревья, окаймляющие площадь, — настоящие гиганты, со стволами необычайной толщины, с густой кроной. Они скрывают от нескромных взоров влюбленные пары.

На Пласа де ла Сиерра Белья есть кинематограф, где демонстрируются старые, бесконечно длинные фильмы. Это типичный кинематограф предместьев — большой барак, куда по вечерам гиз в издалье приходит все одна и та же публика. Площадь же — своеобразное кафе, нечто вроде зала ожидания, в котором зрители, собравшись перед началом картины, а также после ее окончания, беседуют между собой на самые различные темы. Этим их вечерая прогулка и заканчивается. Ведь жители этого квартала не из тех, кто имеет возможность допоздна празднично шататься по площади.

Мне хорошо знакомы лица здешних жителей, многих я знаю по именам. Недаром за последние два года я обошел все дома предместья с пачкой газет «Эль сигло» в руках. Многие сначала не без испуга глядели на большие красные буквы заголовка газеты. Но потом стали встречать меня приветливо. Расспрашивали о новостях, делились своими мыслями. Однако нередко приходилось слышать и такие фразы: «Опять ты с этими красными газетками!», «Так ведь у меня нет ничего общего с американцами!», «Что мне за дело до русских?». Тогда я останавливался и вступал в спор: ведь избежать острого разговора было невозможно, хотя, признаюсь, мне иногда приходилось лезть за словом в карман. Но в конце концов именно это нам и было нужно: вызвать людей на беседу, разъяснить им непонятное, ответить на вопросы. Так мы и погуляли, и в мой товарищ. Не знаю, хорошо у нас это получалось или нет, только я всегда уходил уверенный в том, что мне удалось за-

ставить собеседников задуматься над некоторыми вопросами. А когда человек начинает думать, когда он расстается с безразличием к политике, он приходит, если это честный человек, к нам, к нашим взглядам.

«Итак, в один из воскресных дней мы с товарищами условились встретиться на Пласа де ла Сиерра Белья. Районный комитет молодежи решил устроить здесь вечер, и мы все должны были принять в нем участие. Подготовили концертную программу. Однако важность этого вечера состояла для нас не в концерте. Ведь на площади соберется много народа, и это даст нам возможность поговорить о прибывающем в Сант-Иго фестивале молодежи. Хотели мы рассказать о том, как народы других стран борются за мир, а потому собрали подписи под воззванием, требующим запретить испытание водородной бомбы в зоне чилийско-Антарктики».

Уместно пояснить, что говорить о мире в Европе и говорить о мире в Америке — не совсем одно и то же. В наших странах слово «мир» запрещено. Всякий, кто выступает у нас за мир, попадает в число позористов, неблагочестивых людей, чужд их заговорщиков. Всякий, кто борется за мир, совершает, если верить властям, тяжкое преступление перед обществом и должен стать объектом преследований. В свое время в Чили подготовились молодежные фестивали дружики. Однако правительство оказалось сильнее протестов и в конце концов запретило этот фестиваль совсем. В стране проводилась весьма искусно организованная и направляемая сверху кампания, призванная опорочить и обезвредить дело сторонников мира. Выбросившие тогда резкую заушки гласки: «Всякий коммунист — бунтовщик!», «Всякий, кто борется за мир, — коммунист, а стало быть, и бунтовщик!». Подобные грязные измышления распространялись поодиночке, изымались на население известное воздействие.

Трудности, стоящие на пути нашего движения за мир, этим не исчерпываются. Как известно, народ моей страны не испытывал на себе ужасов войны. Чилийцы в силу своего географического положения были удалены на многие тысячи километров от всех фронтов. Поэтому многие мои земляки и сейчас полагают: если война и возникнет, Чили она не коснется, пройдет стороной. Не мудрено, что большинство чилийцев не очень интересуется политикой. Многие жители Сант-Иго или какого-либо другого города скорее приведут в негодование незначительное повышение платы за проезд на городском транспорте, чем перестроение Западной Германии.

Естественно, все это мы учитывали, подготавливая вечер на Пласа де ла Сиерра Белья. Ведь публика немало поразилась бы, а то попросту подняла на смех того, кто, взвращившись на эстраду, стал бы произносить странную речь об опасности атомной бомбы для Чили.

Но вернемся на площадь. В тот воскресный вечер мы встретились у эстрады задолго до начала представления. Пока один устанавливали звукоусилитель и развешивали знамена, другие сооружали помост для куклы. Это время из кинематографа, где только что кончился сеанс, начали выходить люди. Они останавливались с любопытством следить за нашими приготовлениями. Вскоре перед эстрадой собралась большая толпа, а из переулка подходили все новые и новые зрители.

Публика, переполнившая Пласа де ла Сиерра Белья, могла позволить нам помест с куклами. Тогда одному из ребят пришла в голову оригинальная мысль: позвать карabinеры для того, чтобы они навели порядок и освободили немного места для актёров и куклы. «Нет, это невозможно», — говорила некоторые из нас. — Где вы видели полицию, оказывающую поддержку сторонникам мира? Чепуха! Но что-то надо было предпринять, и нам пришлось все-таки призвать на помощь полицию. Ждать себя она долго не заставила. Карabinеры пришли без орудия под командой толстого сержанта. В мгновение ока мы оказались в свободном пространстве.

Начался концерт. Зрители громко подпевали песням, приплясывали и танц кукле! И когда один из наших товарищей вышел на эстраду и заговорил о мире, о подготовке к Всемирному фестивалю молодежи, он уже имел перед собой дружелюбно настроенную аудиторию. Люди слушали с интересом, время от времени кивая головами в знак согласия.

Но вот дело дошло и до куклы. Публика, захлестывая ошелоки миниатюрного театра, и под серебристую трель флейты на помост вышел Господин директор кукольной труппы. Господин директор — это большой мужчина с пышной светлой шевелюрой, румяным лицом и маленькими полблещивающими глазами. Как и подобает его высокой должности, он был одет в чёрный фрак, правда, весьма поношенный, и говорил раскатистым хрипловатым басом.

У Господин директора есть одна плохая привычка. Поскольку появляется на сцене ему доводится не слишком часто, то он, увидев перед собой зрителей, только тем и занимается, что без устали бормочет. Стоит ему о чём-либо заговорить, его уже не оставшимся. Но на этот раз чрезмерная словоохотливость Господин директора пришлась к месту.

— Мои многоразличные друзья, — начал он. — Я обращаюсь ко всем, к старым и молодым, к толстым и тонким. Я хотел бы задать вам один вопрос: что вы можете сказать о мире?

В толпе послышался смехок. — Что такое? — возмутился Господин директор. — Это все, что вы можете ответить?! Ну-ка, ты. — Он указал пальцем на босого мальчишку, который надвинулся от смеха. — Что ты можешь сказать о мире?

Мальчик смутился и спрятался за спину отца.

— Ну-ка, Анастасио! — Господин директор

помянул маленькую куклу с добрым выражением лица. — Помоги мне объяснить все вот этому мальчишке!

И, обращаясь к мальчонке, выглядывающему из-за широкой спины отца, Господин директор продолжал:

— Представь себе, что у нас война. Я — солдат-захватчик, Анастасио — простой рабочий-столяр. И вот, у тебя утку, — при этих словах в его руке неожиданно появляется зловещая суковатая палка, — и было Анастасио что есть спать по голове...

Слова сопровождалось действием: на голову бедного Анастасио посылались удары, от которых он под хохот публики безуспешно старался укрыться.

— Так тебе хотелось бы отвезти того же, что и Анастасио? — переводя дух, спрашивает Господин директор мальчугана.

— Нет, — поспешно ответил тот.

— Ну, а вам всем? — обратился Господин директор к зрителям. — Вам бы этого хотелось?

— Нет! — повторили сотни голосов.

— Так вам нравится война?

— Нет!

— А мир?

— Да-а-а! — поклатились по Пласа де ла Сиерра Белья.

— В таком случае давайте же вместе скажем: «Да здравствует мир!», — предложил Господин директор.

— Да здравствует мир! — дружно ответила публика.

Даже карabinеры кричали «Да здравствует мир!» и счастливо улыбались, поглядывая на куклу. Пожалуй, и самому талантливому оратору не добиться так скоро того, чего добился кукла.

«Что же до Господин директора, то он был на верку блаженства. Он потеснил свою кукольную голову и вспомнил песенку, которой тут же научил новых друзей:

Лети, лети, голубица мира,
Лети навстречу обманам.
Ты посетил на всех людей и передарь им,
что мир нам нужен всем...

Через несколько минут площадь во весь год пела: «Лети, лети, голубица мира!».

Дальше концерт шёл своим чередом, одна сцена сменяла другую. Публика все более оживлялась, проникаясь симпатией к нашим куклам и — главное! — к нашим идеям.

У кукольного театра «Амурорка» есть своя традиция: по окончании представления артисты обходят зрителей со шляпой в руке, собирая вознаграждение. Это даёт им средства к жизни. Но на Пласа де ла Сиерра Белья мы нарушили установившуюся традицию. Возвращаясь за руки, прошли по площади, однако вместо того, чтобы собирать деньги, мы стали раздавать листки с протестом против испытанных атомных бомб.

Теперь уже нас понимали все: надо запить голубку из той песенки, которая только что звучала на площади, надо предотвратить военную опасность!

Перевод с испанского.

ПОЭЗИЯ БОРЬБЫ

Индонезийская поэзия, как и вся литература молодой республике, необычайно богата и разнообразна. Она развивается на прочной основе народного творчества.

С давних времён поэзия бесчисленных островов Индонезии передаёт на уст в уста чуждые стихи и песни из зингхас даяков и диалектов яванского, сулавийского, минанбабу, ачехского, батавского, горанджа, горангало, ломбонского и других. Излюбленной формой стихосложения является «пантуан» — четверостишие, насыщенное глубоким поэтическим содержанием.

Современные индонезийские поэты следуют традициям поэзии, в которых сочетаются традиции традиционные мотивы сочетаются со свежими и новыми. В стихах и полных голос звучат темы борьбы против колониализма, за свободу и независимость родины. Поэты много пишут о тяжелой судьбе, которая была уделом индонезийцев до освобождения страны от гнета чужеземных захватчиков. Они воспевают героев тех, кто мужественно сражался против империализма.

Мы публикуем стихи малоизвестных но талантливых поэтов: А. Сухарно и Д. Сухарти в переводах Дм. Смирнова.

А. СУХАРНО

Мир

Осталось сделать только шаг один —
И мы увидим, как прекрсна Правда:
Осмит мир кровавую войну,
Пред нею встает, как мощная преграда.

И гинут угнетения аэка,
Вражду не станут разжигать газеты,
И орденами будут награждать
Ученых, музыкантов и поэтов.

Аплодисменты встретят смелых,
Кто победит в народных состязаньях...
О вечном мире будут говорить
В речах и песнях, в бымах и сказаньях.

Протянут руки, словно другу друг,
И поклонятся в братстве все народы,
И самолеты мирно полетят,
Взматнутся феррейеры к небосводу.

Тогда наступит мира времена,
Увеченные дружбой и согласьем,
Все добровольно в жизни изберут
Тот мирный путь, что красен мирным
счастьем.

И шумной будет, как всегда, земля,
Но грохот взрывов и страданий стоны
Не повторятся.
Их аэвмет смех
И рукоплескьяны миллионны.

Наступит время мирного труда.
Ведь мирный путь — к народам уваженью,
Ведь мир — и человечности, и расцвету,
И к новой жизни вольной дженья.

Л. СУХАРТИ

Несем венцу

Друзья мои!
Мы победили с вами
И отстаем честь и тишину,
Теперь поднимем руки со словами:
«Мать Индонезия,
Тебе несем венцу!»

Мы никогда не стерлим унижений.
Вот эти руки,
Грубые на вид,
Работные!
Готомяе и сраженьям,
Всегда огородают от всех обид.

Твою мы землю сделаем богатой,
Заставим всеми красками играть,
Пусть слава вьветрится бабочкой крылатой.
Ведь медносна, как цветок,
Всегда ты,
Страна родная,
Ласковая мать.

Рисунок Фернана Меса.

В СТОРОНЕ ОТ БОЛЬШОЙ ДРОНЫ

Рассказ

ЧИТАТЕЛЯМ
«СМЕНЬ»

Надеюсь, вы полюбите мои рассказы. Любите — значит помнить, и наоборот: помнить — значит любить.

Айра Уолферт

*To the young Readers of Smeň!
I hope you like my stories. In looking
there is understanding and, of course, I'm sure
understanding this is living.*

Ayra Wolfert

Современному читателю Айра Уолферт известен главным образом как автор романа «Банда Тизнера». В этом самом крупном и наиболее значительном произведении писатель с впечатляющей достоверностью показал кровавую свавлю американского гангстеризма с американским национализмом и хваленой американской демократией.

Уолферт прошла трудный и сложный жизненный путь: от ученицы в типографии до военного корреспондента, а затем беллетриста. Он хорошо знает то, о чем пишет, его произведения пронизаны большой человеческой правдой.

В публикуемом нами рассказе «В стороне от большой дрона» без наземной тенденциозности показаны вполне огромные бедствия приписат человечеству войны, но что они могут превратить человека.

Рассказ прислан автором из Нью-Йорка.

Сначала он услышал, как пуля ударились о камень. Потом до него выстрел — веселый, резкий звук подпрыгнул и рассыпался в воздухе. И снова мягкая, безбрежная тишина сонного июньского утра.

Он лежал плашмя, тесно прижались грудью к земле, и чувствовал, как сердце стучит, будто залетело в кулак. Мгновенье назад он спотыкал как раз на то место, куда угодил пуля, — на маленькую кучку песка и камешков, серых, желтых, коричневых, облитых слепящими солнцем. И вдруг эту кучку сдуло, как туманом; с шумом торопыльям треском она словно взорвалась. В воздух поднялось бесформенное облачко пыли, оно распыля-

лось, оседал, словно дым, под незаметным порывом ветра. «Боме!» — подумал он. «Свят Иисус!» — и еще плотнее прильнул лицом к песку.

Облачко пыли отнесло к северу, — значит, по нему стреляли с юга. Он лежал, укрывшись в небольшой впадине, за длинной легкой каменной плитой, которая, возвышаясь над землей, служила ему естественным бруствером. Он боялся поднять голову, боялся поставить ее под нелепый, безжалостный обстрел. Он не понимал, как очутился в этой впадине; кажется, нырнул, задышался, отчаянный ужасом. Он лежал здесь уже минут десять, не меньше.

За полчаса до этого его машина стала: бензиновый бак был

пуст. Пришлось остановиться на грязной проселочной дороге, пересеченной унылыми густыми, — голые, мертвые деревья среди скал, усыпанные камнем пола. Ни одного домика. Только на горизонте мрачный скелет перелесков. Словоз сухой, известки пробиравшая сорная трава, кустики чертополоха; изредка попадались у обочины прожарившийся каркас брошенной автомашины без колес с утонувшими в замасе мотором. Он долго стоял и ждал на дороге, прислушиваясь, не заворчит ли вдали мотор грузовика или легкой машины. Нет, не слышно было ничего, кроме неясных шорохов того мира, который лежал где-то далеко, куда не хватало глаз. Наконец, развернув газету, он усаживался на подмошке, но забыла тщательно опрарить брюки, чтобы не смаялась складка: он был торгашом и привык выглядеть опрятным перед клиентами...

Скорю, однако, когда он стал читать мелкие газетные заметки, в голову незойливо полезли неприятные мысли: об этой неожиданной остановке в пути, о Гарри Бартоме из Тутусьяль, — наверное, тот уже запер лавку на обед, и теперь придется ждать, пока он вернется, сделает заказ и составит список нужных консервов, консертических товаров, беконки; из-за всех этих задержек придется очень поздно возвращаться назад, потратить на обратный путь завтрашний день, а ему ведь надо побольше еще в трех или четырех лавках. Он аккуратно сложил газету и сунул ее в карман заднего сиденья своей двухместной машины: пусть дети повеселятся, прочтут напечатанные в этом номере комиксы.

Где-то на дороге он видел зарывшуюся колонку, в трех — пяти милях отсюда, было, кажется, на перекрестке, возле большого магазина. Он не мог вспомнить. По этим местам ему редко доводилось ездить. Хотя бы дом какой-нибудь попался вблизи, он попросил бы уступить квартиру бензина и заплатил бы, да, заплатил бы наличными деньгами.

Он шагнул вперед на дороге, худой, довольно моложавого вида человек, но уже с мешками под мышками и усталыми глазами, с рыхлым подбородком и немного вислым, расплывающей формы носом на бледном, узком лице. В его манере держаться было нечто вялое, расслабленное, он по-топому, которому и ровню держал на ходу руку. Не очень высокий, не слишком низкорослый, он деловито высматривал по дороге вездущую бедушку, бледнолицую пустошь в лежавшему в амендисту с поволоной милях отсюда городу Эмиттсвилль. Худой молажавый мужчина в угловатом серокином тельном недорогом

костюме — ни пятнышка на пиджаке, ни складки на вороте, — он шел, высоко поднимая ноги и ступая осторожно, чтобы не пылинки. Шаг быстро, торжественными неширокими шагами человека, привыкшего пробираться в толпе прохожих на городских тротуарах.

Тут он услышал выстрел и резко остановился. Удивительно, испугом в глазах, вытянул вперед шею, совсем как неосторожно-шеее животное. И сразу грянул второй выстрел; пуля гулко шакнула шагак в пяти о ствол шакного дерева.

— Гей! — кричал он, почувствовав тут же, что глупо кричать, не видя, кто стреляет. Голос его прозвучал глухо, что-то перекрывало гуло.

Еще выстрел. На этот раз пуля вазизгула почти над самой головой и свалаза ветку. Он захричел.

— Гей! Какого дьявола вы!...

Но тут ударили два выстрела подряд. Один забил пыль у самых его ног, другой стегнул струей воздуха в лицо.

Он бросился бежать вниз по дороге, а пули гнались вслед — две, три, четыре. Он бежал, словно живое, истерично в сторону, отыскался о твердые комья земли и камни, взрывая подошвами гравий, и, наконец, бросился на землю и залез в неглубокую впадину за камышом и травой. Здесь он и остался лежать, тяжело дыша, без мысли, озабоченный страхом. Что произойдет? Боже всемогущий, что же, дьявол его побери, случилось? И правда ли? И с чего вдруг по нему стреляют? И за швазалошь вздумала так шутить?

— Гей! — заорал он из всех сил. Ты, болван, разозли меня гром! Он прислушался, но голос его раялся в невозможной тишине. Ничего, кроме молчания сонного, горючего барометра.

— Гей! — Он высунул голову из-за камня. Вокруг не видать было ни души. Но в следующее мгновенье он заметил человека в синем комбинезоне и солдатском шлеме на голове. Человек полз по земле в его сторону, держа наготове винтовку.

Торговля осторожнко пристал и начал спокойнее:

— Гей, аистер! Гей, вы! — И, подождав, добавил с упреком: — В кого вы, черт побери, палили? Сидите тихо, не шевелитесь и подвля голову. С минуты он лежал неподвижно. Потом приложил винтовку к плечу — и торговец поспешно нырнул обратно в свою нору.

Он лежал, притихший, и страх леденел ему кровь. В отчаянии он завопил еще раз:

— Что вам надо? Ради Христа, скажите, что вам надо? — Но минуты шли, а ответа не было. — Я дам вам все, что вы хотите, — начал он снова дрожащим голосом. — Ради содрать, что вам надо? И ради Савань! — Ему стало вдруг трудно держать подбитой голову, он втянул ее в плечи, тут же воротничок врезался в шею. С расширенным и страдальческим взглядом он старался глядеть в полосу тумана. Но ответа не последовало. Он ловил ухом обычные звуки обычного мира, ощущая привычную жизнь собственного тела, с трудом вырывававшее дыхание, ли-

хородачный стук сердца, тяжёлые удары пульса в висках. И вдруг он почувствовал, что весь наливался гневом, у него оги стали горячими, как огонь, кровь из кончиков пальцев, как магнит, ринулась через все тело в голову, шея набухла...

«Подстергает меня, как Заяц», — жестоко подумал он. — Какой-то дикорос, слово из войны... Хорошо, но на войне ты дерешься за демократию и прочее такое, но ведь ты же знаешь так, просто, ни с того, ни с сего... Когда я шел на бойню, я знал, что фашисты наживаются на людях, отрубая руки детям... Но это... Это ведь без всякого смысла... Меня могут сейчас убить... За что мне, по какой причине... — Мысли его несли в судорожном беге... Я делал свое дело, я... У меня свои обязанности, мои жизни... Я смеялся над войной... У меня жена и дети, было им хлеб, божье, они ждут меня!...

И вдруг — это... что-то постороннее, не имеющее к нему ничего отношения... Никакого, кроме того, что вдруг, неожиданно так случилось... Нелепая, страшная сила, о которой он не имел ни малейшего понятия, с которой он не имел возможности сразу превращивать вверх дном все его существование, разбивает вздремле же привычный ход его жизни и признает ему под ступом смерти, распасть, ставших на земле, как загнанным зверю.

— Что вам надо от меня? — взмолился он, чувствуя, что гнев его уходит. — Я все вам отдаю. У меня семья. — Он подождал и, не слыша ответа, крикнул, напрягая последние силы: — Я семейный человек!

И вдруг его противник заговорил. Слова разделись почти разом:

— Вы теперь в армии. Никогда в жизни торговец не слышал такого страшного, мертвого голоса, пугающего, механического.

— Вы не за плугом сейчас, — продолжал голос бесстрашно и монотонно, словно читая газетную заметку. — Вы, сын шлохи, вы никогда не будете барнином, — добавив голос без всякого выражения. — Вы в армии теперь.

И вдруг все умолкло, как по команде «Стой!». Слева были мертвые, словно у горюшгорошья прохляпыва в горле кинжоло шестероши и сразу установились.

— Торговец слушал в оцепенении. Сумасшедший... Этот человек был сумасшедшим! О господи, его хочеть убить умалшанным! Божьки! О, надо божьки спасаться! Но местность вокруг все открылась... Двадцать шагов изрытой земли от укрыва, за которым он лежал, до первой куты деревеньки... А потом!

Потом много больше — до следующего перелеска... А дальше сплошное открытое поле до самого горизонта... Плохо. Куже деже, чем вскочить и побужать правую ногу вперед, выворачива открытый котом лод, морган венами. Он ждал долго, потом мертвый голос прозвонил:

— Вы в армии теперь.

Лицо торговец медленно разгладилось, рот сжался, глаза угасли, только меж бровей глубже загляли морщины, похожие на шраны на густом, жирном слое пота... Он лежал несколько минут молча, уставившись прямо перед собой, без мыслей, ощущая только собственную беспомощность, которая засасывала его, как транс. Потом приступ страха снова охватил его, и он начал слабым, чужим голосом, нелепо отозвавшимся в его собственных ушах.

Есть у вас сигареты? — проговорил он, стараясь вложить в свой вопрос что-нибудь неприступности. — До смерти хочется курить! Позвольте мне подойти и взять у вас сигареты! — Он пододал, что, подойдя поближе, сумеет прыгнуть на помещанного или хотя бы увидеть его с глазу на глаз. Он знает, может быть, и удасться, но вернутся к спокойному состоянию, в котором он, возможно, обычно пребывает.

— Братане из вражеским войскам запрешено воинским уставом, — промолвил, глухой, механический голос. За этим последовал выстрел, пуля взрыхла гравий и послала заряд пыли прямо в нос торговцу.

Потянулись новые долгие минуты ожидания. Торговец лежал в своей выемке, вдыхая запах земли, как делал это когда-то, много лет назад на пшенице в августовский день, во время мадового месяца. Он лежал тогда в траве рядом с женой и чувствовал близко теплоту ее тела «Божье, божье, а женатыи человек!» Божья мой, а ведь женат, женаты! Эти слова зашлись всегда таким обыкновенными, теперь приобретали новый, необычный смысл.

Он попытался спокойно продолжать себе: что будет, если его убьют? Тогда и он — конченный человек. Это уже однажды был чужой во время войны; что-то окамнело и умерло в ней тогда... Или он будет довольен в глубине души, что может начать новую жизнь?

«Но как же», — сплывались он, — как могу я спокойно думать о подобном, когда все сердце мое всоает против этого? Гибель семьи! Или, в лучшем случае, все их заключает бесцельный потех жисти... Божья, никогда не знавшая работу, двое детей, малолетка. Страховой полис на 2800 долларов... 750 надо еще выплатить за дом, продать его надежды ни-

Я сейчас же вернусь назад. Всего пять минут — и я вернусь. Вы можете пойти вместе со мной, можете убедиться...

Он стаял жидко, все так же вытнутое вперед голою, выворачива открытый котом лод, морган венами. Он ждал долго, потом мертвый голос прозвонил:

— Вы в армии теперь.

Лицо торговец медленно разгладилось, рот сжался, глаза угасли, только меж бровей глубже загляли морщины, похожие на шраны на густом, жирном слое пота... Он лежал несколько минут молча, уставившись прямо перед собой, без мыслей, ощущая только собственную беспомощность, которая засасывала его, как транс. Потом приступ страха снова охватил его, и он начал слабым, чужим голосом, нелепо отозвавшимся в его собственных ушах.

Есть у вас сигареты? — проговорил он, стараясь вложить в свой вопрос что-нибудь неприступности. — До смерти хочется курить! Позвольте мне подойти и взять у вас сигареты! — Он пододал, что, подойдя поближе, сумеет прыгнуть на помещанного или хотя бы увидеть его с глазу на глаз. Он знает, может быть, и удасться, но вернутся к спокойному состоянию, в котором он, возможно, обычно пребывает.

— Братане из вражеским войскам запрешено воинским уставом, — промолвил, глухой, механический голос. За этим последовал выстрел, пуля взрыхла гравий и послала заряд пыли прямо в нос торговцу.

Потянулись новые долгие минуты ожидания. Торговец лежал в своей выемке, вдыхая запах земли, как делал это когда-то, много лет назад на пшенице в августовский день, во время мадового месяца. Он лежал тогда в траве рядом с женой и чувствовал близко теплоту ее тела «Божье, божье, а женатыи человек!» Божья мой, а ведь женат, женаты! Эти слова зашлись всегда таким обыкновенными, теперь приобретали новый, необычный смысл.

Он попытался спокойно продолжать себе: что будет, если его убьют? Тогда и он — конченный человек. Это уже однажды был чужой во время войны; что-то окамнело и умерло в ней тогда... Или он будет довольен в глубине души, что может начать новую жизнь?

«Но как же», — сплывались он, — как могу я спокойно думать о подобном, когда все сердце мое всоает против этого? Гибель семьи! Или, в лучшем случае, все их заключает бесцельный потех жисти... Божья, никогда не знавшая работу, двое детей, малолетка. Страховой полис на 2800 долларов... 750 надо еще выплатить за дом, продать его надежды ни-

Я сейчас же вернусь назад. Всего пять минут — и я вернусь. Вы можете пойти вместе со мной, можете убедиться...»

какой... В банке 329 долларов... 175 — долг за машину... О, надо что-то делайте! Божье всемогущий! Надо что-то придумать!

Он поднависнул полком к выемке на поверхности камня и через нее увидел сумасшедшего, вернее его голову в шляме, выгладывающую из-за крупного аулуна по ту сторону дороги. Винтовка в подмышечной области висела, казалось, позади стала поблескивать глаза, они лихорадочно нащупывали что-то. Торговец тропилоно отполз обратно в яму. «Но почему же не пройти на десяток шагов ниже по дороге? Оттуда он может легко уплывать меня сюда и настать!»

Минуты текли, и каждая была безумноа, как обморазившее, никакне часов. И вдруг задалека, ближе к двенадцати с половиной миль своего дэррингского воздуха, продронса торжественный полуденный гулок эммитсаильской фабрики. Гулок цивилизации прозвучал в его ушах, и торговец понял, что близится конец его жизни, а в последующем делех шагах от того места, где он лежит.

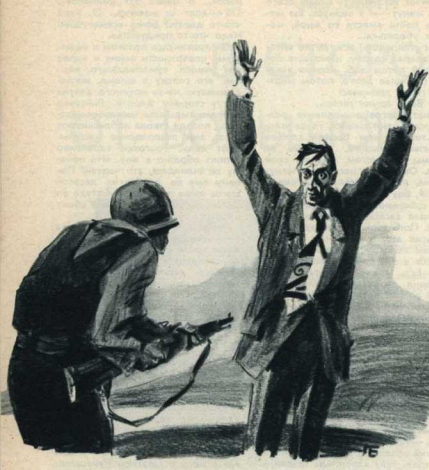
— Что делать? Закричать! Ведь так больше не может продолжаться. Да, да, он должен, должен закричать! Он больше не в состоянии оставаться здесь, я не могу. Как же я могу оставаться? Сумасшедшему может надесть эта игра, он встанет, подойдет — и конец! Нет, я закричу что-то, всех сил, побегу, как дьявол, буду визгать, уверять, повторять; может быть, этот человек потеряет хоть минуту, хоть несколько спасительных секунд, заколеблется, в кого стрелять... Пусть тот, кто поравняется со мной, сам забочится о себе... Я, а больше не могу выдержать! Не могу! Если бы подошла машина, тем лучше. Я попробую встать, ве, она заслонит меня от остальных...

Но то была не машина. Послышалась далекая непрогрелая шуга, под чей-то легкой поступью хрустела камешки. Потом он увидел двух мальчиков, должно быть, братьев. Они медленно бегли по обочине, то и дело вскакивая друг другу языки, со случившимся выражением на румяных лицах, лениво загребая ногами пыль.

Он подумал — и мысль эта отозвалась в его гололе, они прокудуть мимо него так близко, что он услышит запах их одежды.

О, если бы это был кто-нибудь другой! Разве можно было втягивать ружья в такое дело? Чуть шикольники услышат его нестойный крик, они замрут на месте, разинут рты, удивленные, окаменевшие от неожиданности. Обя-

конечно, будут убиты, и вина падет на него. Боже упаси, он не сделает этого! Внезапно его мозг обожгла новая мысль: дети могут сами увидеть его! Они испугуются, инстинкты бдительны, и тогда... тогда он ни в чем не будет повинен. Тогда он и сам успеет вскочить и бежать, бежать, лететь и изворачиваться, до первого укрытия.

Теперь дети были уже совсем близко. Они смотрели прямо туда, где он лежал, и... не замечали его. Их глаза, веселые, рассеянные глаза школьников, видели все: дорогу, большую солнечный мир, — но только не его. Торговцев съезжались, каждая мышца его тела скалась и трепетала от напряжения, дыхание стало хриплым. А они шли, все так же дразня друг друга, не произносили ни слова, шаркая маленькими детскими ногами в черных полосатых чулках и высоких ботинках. На вид одному было восемь, а другому десять, может быть, одиннадцать лет. Младший был высок для своих лет, с лицом взрослого, живыми глазами, острым носом, тонкими губами, крепким подбородком. Старший казался более вялым, из-под спутанных русских волос глядели спокойные пустоватые глаза.

Путь сделался его первым. Она пошла ему прямо в сердце; смерть была мгновенной, с лица не успела даже сойти гримаса удивления. Он еще стоял игнорноме на ногах, застигнутый смертью, как щелчком фотоаппарата, потом медленно опустился на землю. Младший получил пулю в затылок, в шейные позвонки, она пробрала насавая шею. Это было похоже на внезапный удар хлыстом. Мальчик отпрыгнул в сторону и сел на землю, судорожно поджав маленькие ноги под самый подбородок и разева рот, как вытаскивая из воды рыба. Чуть ли не полчерепу у него отлетело в сторону, но каким-то

жестоким чудом нервы не были задеты, и вот он сидел на дороге, неподвижно, парализованно, истекшая кровью, с головой, дотопившейся на остатках шен. Он еще пытался что-то сказать, но только прохрипел «ма» и стал клониться назад, пока не ступил голозой о землю и затык.

Лицо торговца теперь походило на белую маску — так страшно все это было, так неслыханно и неправдоподобно. Ему показалось, что все тело его одревенело. Его стало тошнить, рвота поднялась к горлу...

— О! — прохрипел он. — О! О! О!

Он не понимал страшной, гдащей тишины, которая скрывала все вокруг него, и не услышал слов сумасшедшего, крикнувшего коротко и резко:

— Предлагаю переговоры о полной сдаче Вайтис с белым флажком!

Он не отвечал. Ни одно слово не могло прорваться сквозь гуд, заполнявший его уши. «Я так устал», — подумал он, — я болен. И он снова лег ничком, утопавшись мокрым лицом в сухой теплой камени; ему хотелось, чтобы тело его разлетелось на куски, как от взрыва, чтобы оно испарилось, перестало существовать.

— Зачем вы терять ваших людей? — донесся голос с той стороны дороги. Голос ударил внезапно, как пространство. — Две минуты на размышление! Потом я скромндую атаку.

Торговец качнул услышал. Он попытался сказать «да», но не в силах был произнести ни звука. Потом повторил несколько раз шепотом: «Да, да, да, да...»

— Я сдаюсь! — закричал он, ударил нелепо высоким голосом. — Сдаюсь, сдаюсь! — Слова путались и цеплялись одно за другое. — Вста! — ответил помещикий. — Витюки сложить на землю! Всем, до одного человека!

Сложить веход окопост! Руки поднять вверх! Переодеть, держа руки над головой!

Торговец на чувствовал своего тела, оно было пустым, невесомым. Но встать было трудно. Мышцы безвольно висели на костях, а кости казались переломанными. Живая словно ушла из него. Но он заставил себя подняться, выпрямиться и так стоял, качаясь на подгибающихся коленях. Чтобы не упасть, он оперся коленками на свой брусстер, на лососий камень.

— Руки держать как светлеут! — проговорил человек с винтовкой, и торговец поднял бескровные руки как можно выше над головой. Он был жалок и смехом, весь в пыли, с нальщиками на лбу и подбородке пестрой, камешками. Как зачарованный, он смотрел в пустые, мертвые глаза бедуица в синем комбинезоне. Осторожно, с рывком на заготовку выбрался сумасшедший из-за валуна, медленно, шаг за шагом двинулся к середине дороги и там остановился. Это был маленький, коренастый человек средних лет с голубыми безжизненными глазами, руганным неподвижным лицом. Он держался напыщенно, но было в нем и нечто от бескойной настроенности. Рывком он, видимо, был фермером. Брезентовый шлем, торчавший на его плоском теле, придавал ему нелепый и страшноватый вид.

— Дженкинс, Вильямс, Джонсон и вы, Холл, но мней Вы отведете пленника в сборный пункт — и сразу назад. И обязательно принесите расписку!

Человек в шлеме говорил это громко, не спуская колонок глаз с торговца. Потом он повернулся и взглянул прямо вперед.

— Они дрались хорошо. Запомните: эти ублюдки взяли себя в бою хорошо и задержали наше наступление.

Сумасшедший стоял спиной к торговцу, и тот подумал, что сейчас самый подходящий момент прыгнуть на него и обезоружить. Но он не шевельнулся. Ему хотелось снова улечься на землю, пусть даже его тело растает, рассыплется, исчезнет, как и все, что было вокруг.

— Они были себе героями в своей армии», — продолжал хрипло шептать бедуинок. — Я не хочу убивать. Слышите вы, и вы не надо убивать! Если в расписке не будут перечислены все пленные, вы ответите мне за это. Вы пойдете у меня под суд, вас расстреляют за убийство. Они герои — и все тут!

Человек с винтовкой снова повернулся к торговцу.

— Ладно, шагайте, — проворчал он и осторожно обошел торговца вокруг, не глядя на него, с глазами, приставленными прямо перед собой, со взведенным курком винтовки. Он был смехом и дик в своем выцветшем синем комбинезоне, изношенных, грязных, потемневших пальцах и черные от грязи носках, в тонком матерчатом шлеме. От него несло острым запахом пота, вонью стояла и курятника.

Он осторожно перепарался через раскорененный черык, согнувшись чуть ли не в ядро, под загордой из колочей проволоки, завсгал по полю и скоро исчез за небольшим пригорком.

Перевел с английского Л. ЧЕРНЫЯВСКИЙ.

НОВЫЕ КНИГИ

«НОСТРЫ ЭКСПЕДИЦИЯ»

Интересно бывает поговорить с тем человеком, который много видел, много пережил. Именно таким собеседником придется стать нам Ина Стрострская, автор нитга «Ностры Экспедиция», выпущенной Петроградским издательством. Автор по профессии геолог, геолог. Алтайские степи, журав сибирской тайги, несенные снегом поля Якутии и сопки Дальнего Востока — это запечатлелось поэту — участнику многих походов.

Сборник стихов Стрострской наполненат дивными экспедициями. Не суем, торопились в экспедиции — находим мы здесь, а яркие, содательные картины нашей жизни. В стихотворении «Первый маршрут» автор возмозвано рассказывает о геологе-прантингане, о первых трудностях и разлововах. Юноша думал, что работа геолога это «романтика странствий, охоты, весна».

На самом же деле все оказалось совершенно иначе. И. Стрострская видит разность молодого геолога: она хорошо понимает его и с чувством человека, много испытывавшего, не нарочно, спокойно говорит ему уйти от мимолетной душевной слабости, усталости «такими зеленого мира».

Профессия геолога и профессия писателя — одно общее качество и та и другая работа требует много поиска образа, темы, красной нет поэзии.

Стихотворение Стрострской радует — оно умеет образно выразить, умеет придать структуру образу и ритму.

Решающий штурм от берега, встречаются дел ледные, Яхт в сельно несет на склду И сияющая сверлит тафта.

В этом четверостишии мы как будто застенчивый и шелест реки, и дивная льда и буржи захватившей тайги.

Права, не всегда под березно относится к слову, встречается в немине исторических определения, вроде «счастия зарю», «звездиский свет» и т. д. Даже проходимые строфы есть. Но истинность автор не ищет в истинности деталиции. Но не это составляет главное. Стихотворение живет не запомнимся голос, она знает и чувствует, и чувствует. Бескойной труа геолога, беззволно, подсажает ей и мы надевась, что будут новые стихи, которые дадут радость читателю.

Алла ИРИБЕВА

СОВЕТЫ МОЛОДУЮ РЫБОЛУ

В издательстве «Молодая гвардия» вышла интересная книга Алексея Заборского «Советы молодому рыбалогу».

«Эта книжка не для опытных рыбалогов. Те уже научились ловить рыбу и знают автор. Это другие советы для начинающих». Многие знают автор и начинающий опытный долговетный опыт, но тот, кто хочет научиться с молодыми читателями. Интересующиеся рыбой ловить наудачу — они некие самые необходимые сведения по истологии, советам, как ведут себя рыбы, рыболову, беседе о рыбных ресурсах, расказах о рыбах и рыболовах.

ТРАГЕДИЯ АХМЕДА РЫЗЫ

НОВАЯ ПЬЕСА НАЗЫМА ХИКМЕТА «ЧУДАК»

Фото А. Гладштейна.

Творчество Назыма Хикмета близко и дорого советским людям. Тысячи писем поступил поэт от своих читателей, главным образом от молодежи, по поводу одного только стихотворения, «Разговор с доктором», написанного во время тяжелой бо-

«Мелан», был двадцетипятилетний Назым Хикмет. Здесь, в столице, и началась его полная неутомимых исканий работа для театра.

Как отличаются одна от другой пьесы Хикмета и по форме и по самому принципу решения темы! Одна из его первых пьес, «Череп», — произведение сатирическое. Пьеса «Внегда о любви» и «Исидор прекраснейший» овеяны романтической старинных сказаний. «Первый день праздника» и «Чудак» посвящены жутчим проблемам современности. Но за разнообразием и необычностью пьес кроется одна общая идея — стремление к правде и справедливости, возмущение человека, способного пожертвовать собой ради общественного блага. Такими, например, Ферхад, Ширван, Меюфис и другие персонажи хикметовских пьес.

Особенно ярко выражена эта мысль в пьесе «Чудак», герой которой, Ахмед Рыза, проходит через множество испытаний, жестоких и страшных, как сама жизнь капиталистического мира. Но алчным и бесовским людям, окружающим Ахмеда, не удается сломить этого честного, прямого человека. Порой Ахмед колеблется. Порой зрителю кажется, что Ахмед не выдержит, вот-вот сорвется. Но Рыза побуждает все, потому что, подобно Ферхад и Меюфису, он черпает силы в родном народе. А кто с народом, тот непобедим.

Вечер. В одном из портовых кабаков Стамбула, как обычно, коротают время рабочий Селма, санюжик Иззет, столяр Темфик. Среди них — адвокат Ахмед Рыза. Как он попал сюда? Что с ним случилось?

Он отказался жениться на дочери миллионера Реджеб бей, решив связать свою судьбу с Нихаль. За это все стали называть его

Сцена из пролога. Нихаль — артистка О. В. Николаева, Ахмед Рыза — заслуженный артист РСФСР В. С. Янут, Айген — артистка С. А. Павлова.

чудаком. Когда же, несмотря на материальные затруднения, он отказался участвовать в грязной сделке и предать друга, Нихаль... ушла от него.

Ахмед решает жить по-иному. Рыбак должен привыкнуть к мутной воде — это молчаливо правило буржуазного общества на какое-то время становится его девизом.

— Я больше не чудак! Я подал в отставку! — кричит он в исступлении, когда его просит выступить в защиту ложно обвиненных людей. Он начинает жить так, «как всех», и быстро богатает. Узнав об этом, жена готова вернуться к Ахмеду, хотя она никогда не любила его. Отчаяние овладевает Рызой. Задумав кончить с собой, он выстраивает против себя только что вышедшего из тюрьмы уголовника. Еще мгновение — и разъяренный Нури вонзает нож в грудь измученного судьбой человека. Но перед баядлом вырастает мусульманская фигура рабочего Селмы. Он спасает адвоката.

— Нож мой задеет тебя. Вместо меня мог умереть ты... Почему же ты это сделал? — недоумевает Ахмед.

— Странный вопрос... — отвечает Селма. — Разве ты не сделал бы то же самое?

Слова эти словно срывают пелену с глаз Ахмеда. К нему возвращается светлая вера в человека.

Он снова становится одним из тех «чудаков», которые в жизни выбирают честные пути.

Так развивается главная сюжетная линия новой пьесы Назыма Хикмета «Чудак», поставленной Театром имени М. Н. Ермоловой. Четко очерчен драматургом не только образ Ахмеда Рызы, но и остальных персонажей пьесы. Вот Нихаль, расчетливая и лживая женщина, лишённая совести и чести. Отражен гнилой буржуазный моралью и романтизм Неджики, подленькая, трусливая душка которого содрогается даже при мысли о том, что он может лишиться хорошего бизнеса. Игрчим, пронырливым карьеристом предстает перед нами лихейский товарищ Ахмеда инженер Абдурахман. Удались драматургу и образ стамбульского финансиста мейрамлы Реджеб бей. Все персонажи, действующие в пьесе, стали тем более жизненными и запоминающимися, что их искусство воплотила на сцене артистка Театра имени М. Н. Ермоловой под руководством режиссера В. Г. Комиссаржевского. Особенно талантливо играет заслуженный артист республики В. С. Янут, исполнитель роли Ахмеда.

Пьеса Назыма Хикмета пользуется успехом у советских зрителей.

А. ТВЕРСКОЙ

Заслуженный артист РСФСР В. С. Янут в роли Ахмеда Рызы.

длина, но провинитного мужественным оптимизмом и неустойчивой любовью к жизни.

Меньше знает молодежь пьесы Назыма Хикмета. А между тем писатель многие годы работает и в области драматургии. Лет тридцать назад на стенах московских домов можно было видеть длинные афишки с изображением красной метлы, перечеркнутой черной веревкой, — эмблемы самодельного театра студентов Коммунистического университета трудящихся Востока. Одним из активных участников этого театра, носившего оригинальное название

...Нет, Ахмед Рыза не пойдет на сделку со своей совестью, не продаст свои убеждения!.. Слева — Реджеб бей (заслуженный артист РСФСР Л. П. Галлиц), в центре — Ахмед Рыза, справа — Нихаль.

Советские спортсмены возложили венки на памятник борцам за независимость Мексини.

МЫ ЖДЕМ ВАС, ДРУЗЬЯ!

Роман БРЕНЕР,
мастер спорта СССР, чемпион Европы

В июне приезжает в Москву группа мексиканских прыгунов в воду во главе с тренером Хуэ Обливинским ир Иоханин Копилья. Это ответный визит мексиканцев. В конце прошлого года в Мексику выехала группа советских спортсменов. Мы попросили Р. Бренера, побывавшего в Мексике в составе нашей делегации, поделиться своими впечатлениями о поездке.

В Мексико-Сити мы прилетели ночью и едва сошли с самолета, как попали в крепкие, дружеские объятия. Встречали нас представители различных общественных организаций, спортсмены. Было много цветов, улыбок, рукопожатий. Но встреча эта пошла и с той национальной колоритом. Ко мне подошел высокий черноволосый мексиканец довольно змунорого вида, закинул руки за плечи и трижды увесистыми ладонями похлопал меня по спине. Оказалось, что такое приветствие считается знаком наивысшего расположения.

Но самое интересное нас ждало

впереди. Сталось так, что прямо с самолета мы попали на большой и шумный карнавал. Мексика праздновала День национальной независимости. Это было чудесное зрелище. Повсюду песни, танцы, треск хлопушек. Наша автомашина с трудом пробиралась сквозь пеструю толпу и наконец вовсе остановилась, натолкнувшись на плотную людскую стену. Через ветровое стекло глянули оворные, смеющиеся глаза, и едва мы приоткрыли дверь, как нас подхватили под руки и закружили в веселом хороводе.

В гостиницу мы прибыли, осыпанные конфетти, цветными лентами и с бумажными фонариками в руках. Нет, заснуть в эту ночь было просто невозможно. Долго мы стояли на балконе, любуясь праздничной мексиканской столицей.

Утром знакомился с городом. Он весьма своеобразен. В центре высится огромная здания — мексиканские небоскребы. Здесь расположены конторы банков, фирм, правительственных учреждений.

Жизнь делового квартала не умолкает ни на час. Но стоит отойти немного в сторону, и город преобразится. Тихие, пустынные улицы с одиозными домами, много садов, бульваров. Мексико-Сити часто называют городом пальм, аллеи их тянутся километрами. Высота нных пальм достигает 40—50 метров.

Таким же уважением, как и стройная пальма, у мексиканцев полюбуются кактус, сок которого отягощен жаждой и для многих служит любимым напитком. Но главное, кактус своей чешуей, так же как и пальмы, охраняют мексиканцев от зноя.

Жарко в Мексике. Единственная перемена от жары — дождь. Каждый день, как по заказу, на город обрушивается ливень. Он длится 30—40 минут, а затем вновь безжалостно падает солнце. Для нас особой интерес представляло знакомство со спортивными сооружениями столицы. Неподалеку от центра расположен олимпийский стадион. Он вмещает около ста тысяч зрителей. Здесь проводятся крупные легкоатлетические состязания, футбольные матчи, устраиваются панамериканские игры.

В городе построены два больших водных комбината. Один принадлежит клубу «Чанупультеке», другой — университету. В парке «Чанупультеке» один детский и два бассейна для взрослых, а при университете четыре бассейна. Нам объяснили, что строительство бассейнов не потребовало больших расходов. Они сооружены из дешевых железобетонных конструкций, под выложен не дорогостоящий кафелем, а цементом и покрашен обыкновенной масляной краской.

Простота и экономичность этих вместительных и удобных бассейнов понравилась. Но удивило другое — в разгар сезона бассейны пусты. Нам объяснили, что водный клуб могут посещать только члены спортивного клуба «Чанупультеке», но членские взносы столь велики, что подобную роскошь позволяют себе лишь состоятельные люди. Среди трудящихся мексиканцев таких людей, видимо, немного. Радового мексиканца тревожит прежде всего работа о «злеба насуаном». Как-то разговорились мы с шофером такси. Его семья состоит из пяти человек. Жена работает на небольшой ткацкой фабрике, а за детьми и хозяйством присматривает пре-

старелая мать. Зарплата едва хватает, чтобы свести концы с концами.

— Но сейчас еще ничего, а вот если безработица...

Лицо нашего собеседника приняло столь хмурое выражение, что продолжил беседу на эту тему мы не решились.

Побывали мы и в одной из мексиканских деревень. Зашли в первый попавшийся дом, вернее, в глиняную хижины. Узкие окна, полутемная комната. Под усталым взглядом, у стены самодельный шкафчик — вот, пожалуй, и все убранство. Здесь живет семья батрака. Все трое — отец, мать и 14-летний сын — с восхода и до заката солнца трудят спину на помещике — владельце крупной скотоводческой фермы. Вся семья за свой труд получает гроши, которых едва хватает на пропитание.

В Мексико-Сити мы участвовали в соревнованиях по прыжкам в воду. Надо сказать, что это один из самых популярных видов спорта. Что мы знали о мексиканских прыгунах в воду? В 1952 году в Хельсинки на Олимпийских играх блестяще выступили два мексиканца — братья Иоханин и Альберто Копилья. Иоханин был награжден серебряной медалью, Альберто занял четвертое место. Братья Копилья — гордость спортивной Мексики. Их отец был первым чемпионом страны по прыжкам в воду. Он-то и передал старшему сыну, Иоханину, «секреты» своего мастерства. Младший, Альберто, учился у отца и у брата.

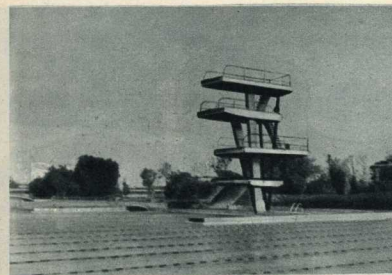
Интересна одна подробность: когда Иоханину было семь лет, он не умел плавать, но уже прыгал в воду с вышки. Как только мальчуган погрузился, его подхватывали сильные руки отца.

К сожалению, встретиться с Иоханином у него на родине нам не пришлось: он отсутствовал. Но и Альберто для нас был грозный соперник.

Соревнования проходили в бассейне парка «Чанупультеке». Перед началом прыжки начали скандировать: «Вива республика Советских!» («Да здравствует Советская республика!»).

Мексиканские зрители темпераментны, но объективны. Они толк разбираются в плавательном спорте и так же горячо аплодируют мастерству гостей, как и своих соотечественников. Больше всего волнели прыжки, да и там, участни-

Фото А. Жигалова.

Водные бассейны в парке «Чанупультеке».

Бой в разгаре.

кам соревнований, доставлял поединок между Михаилом Чачба и Альберто Копиалью.

Перед последним прыжком Чачба опередил своего соперника на 1,01 балла. Однако Альберто блестяще завершил составление, получила высшую оценку — прыжок с двумя винтами, — и выиграл первенство.

Чемпиона Мексики по прыжкам в воду наградили медалью и митинговой статуэткой — фигуркой спортсмена. В знак уважения и дружбы Альберто под одобрительный гул трибуны передал статуэтку Михаилу Чачбе.

В остальных видах программы победили советские спортсмены. Нам были присвоены почетные звания чемпионов Мексики, вручены золотые медали и традиционные статуэтки.

На следующий день мы продолжали знакомство с городом. Пожалуй, нет ни одного путешественника, который не посетил бы бой быков. Увидели эти бои и мы.

Нам много рассказывали о почти фанатичной любви мексиканцев к такому рода аренам, но на этот раз трибуны вокруг арены были заполнены лишь наполовину. Объяснялось это, во-первых, тем, что очень дороги билеты, а во-вторых — бой был ровный. Настоящие знатоки и любители ходят только на самые интересные.

Не желая обидеть наших друзей и глубоко уважая национальные традиции Мексики, скажу все же, что бой быков у нас не вызвал особого восторга. Поэтому мы больше смотрели на артефакты, а не на арену. Каждый бой (а их всего было шесть) сопровождался взрывом страстей почитателей этого зрелища. На арену летели букеты цветов, шляпы, зонтики, хлопушки.

Закончился бой торжественным награждением торедора. Ему преподнесли бычью уху. Сосед по трибуне, пожилой мексиканец, всегдашний поединок, поведал нам, что торедор, заслуживший высшую оценку, получает два бычьих уха и хвост в придачу, но это случается редко — раз в десять, а то и пятнадцать лет.

Мы уже готовились к отъезду, когда мексиканские спортсмены, с которыми мы успели подружиться, пригласили нас на неофициальный вечер. Не прошло и получаса, как мы все вместе с увлечением отсылали самый популярный в Мексике танец «Ча-Ча-Ча». Кажется, и у нас неплохо получалось. Наши мексиканские коллеги потом признавались: они сами не ожидали, что будет так весело. При этом было рассказано о таком случае: как-то на такую же неофициальную встречу они пригласили группу спортсменов одной страны. Те выпили виски, произнесли несколько вежливых фраз, а когда, по мексиканскому обычаю, начались танцы, удалились восвояси. «Мы знаем, — русские так поступить не могут, — говорили нам гостеприимные хозяева.

Расставаясь, наши мексиканские друзья просили передать наилучшие пожелания советскому народу, молодежи. «Может быть, в будущем году и мы соберемся в Советский Союз, — говорили они. — Ведь от встреч спортсменов разных стран дело мира и дружбы только выиграет».

Мы завершили мексиканских друзей, что в нашей стране они найдут самый теплый, радужный прием.

— Наша ведет 2:11

5:0

ИЗ ФРАНЦУЗСКОГО ЖУРНАЛА
«ФРАНС ФУТБОЛЬ»

Без подписи.

— Он был прав: встреча действительно красивая!

— Кто из вас говорил, что наши — мазилы!

— Надо сказать спасибо этому господину.

игровых. Будем надеяться, что команды республик и футбола еще не достиг достаточно высокого уровня, не выскочит из игры. И кто знает, не предостудит ли сии на футбольном поле соперники своим соперникам!

Первые встречи состоятся несколько раньше официальной открытия Spartakиана народов СССР в стадионе «Большой московский стадион» в Лужниках встретятся команды Латвии и Австрийцы.

Уже будут проходить по олимпийской системе, при которой действует всемогущее правило: проигрывающий выбывает. Уже утверждены календарь футбольного турнира на Spartакиана. Этот календарь напоминает порочные календары «Кубков СССР», с той лишь разницей, что команды, переигравшие поразение, примут еще участие в футбольных играх. Таким образом, разыграются все места — с первого по восьмидесятое. Команда - победительница финальной встречи на Spartакиана получит звание чемпиона Spartакиана, игрок команды, завоевавший призвание чемпиона, будет называться чемпионом и призван. Кроме того, будут награждены мастера спорта.

До первых встреч на Spartакиана на территории СССР осталось немногим больше месяца. Комитет по организации и спорту при ЦК КПСР уже приступил к подготовке и проведению турнира.

Г. АПУХИН,
государственный тренер СССР, заслуженный мастер спорта.

РЕДКАЯ НАХОДКА

Вино города Кутивки, от шоссе, ведущего к курорту Цахтубы, отъездившего грунтово-песчаная дорога. Если идти по этой дороге, вскоре увидишь, у опушки леса расстелены площадки размером в несколько сот квадратных метров. Здесь на омываемых глине породах видны небольшие следы. Как установили ученые, это отпечатки лан гитанитовых динозавров.

К динозаврам ланги относятся несколько групп исполинских ящеров, игровые следы в основном имеют вид трехзачленных динозавров на двух задних конечностях. В некоторых случаях динозавров третьей опорной конечности почти хвост. Иные отпечатки достигли десяти метров в длину, а самые крупные на известняках и доломитах — двадцати пяти метров.

На площади отпечатков виден след одного динозавра. Отпечаток лан животного с тремя большими пальцами, похожий на след птицы, а по размерам превышает ступню человека.

Местность, где обнаружены следы динозавров, в геологической литературе известна с давних пор. В 1914 г. в Кутивке в результате бурения или оказалась была засыпана в гальку. Вследствие этого, при образовании Кавказского гора, берег моря поднялся. Глина, выходящая, омытая морскими волнами, попала на место, откуда сохранились до наших дней след животного.

П. ЮДИН

Шахматная олимпиада «Смены»

(См. №№ 2, 4, 6, 8 и 10 журнала)

ЗАКОНЧИЛСЯ КОНКУРС РЕШЕНИЯ ЭТЮДОВ

Более двух тысяч участников привлек 24-й раздел шахматной олимпиады к решению этюдов. 115 участников, приславших правильные, наиболее интересные анализы и решения этюдов, получили специальные дипломы.

Южноравно работа по 2-му этапу, представляющая участвующими олимпиады 20 баллов из 20 возможных получили: инженер-конструктор **А. Мартинсон** (г. Брест), **В. Ганас Наноян** (г. Сивнов, Болгария), воспитатель физкультурных команд (г. Туапсе), **З. Предметин** (г. Египта, Латинская ССР), **М. Попов** (г. София, Болгария), **М. Сомицкий** (г. Зеленоград, Ленинградская область).

По 10 баллов: **Р. Арнаутов** (г. Равада, Болгария), **А. Батов** (г. Виробидан, Хабаровский край), **Г. Рига**, **В. Романов** (г. Рязань), **В. Ганас Наноян**, **В. Ганас Наноян** (г. Туапсе), **З. Предметин** (г. Египта, Латинская ССР), **М. Попов** (г. София, Болгария), **М. Сомицкий** (г. Зеленоград, Ленинградская область).

По 10 баллов: **В. Ганас Наноян** (г. Сивнов, Болгария), **В. Ганас Наноян** (г. Туапсе), **З. Предметин** (г. Египта, Латинская ССР), **М. Попов** (г. София, Болгария), **М. Сомицкий** (г. Зеленоград, Ленинградская область).

По 10 баллов: **В. Ганас Наноян** (г. Сивнов, Болгария), **В. Ганас Наноян** (г. Туапсе), **З. Предметин** (г. Египта, Латинская ССР), **М. Попов** (г. София, Болгария), **М. Сомицкий** (г. Зеленоград, Ленинградская область).

РЕШЕНИЯ КОНКУРСНЫХ ЭТЮДОВ

(В сокращенном виде)

1-й этюд - 1. Лад5 - б5 2. Л:е4 - Ф:е5 3. Ф:е4 - Ф:е5 4. Ф:е4 - Ф:е5 5. Ф:е4 - Ф:е5 6. Ф:е4 - Ф:е5 7. Ф:е4 - Ф:е5 8. Ф:е4 - Ф:е5 9. Ф:е4 - Ф:е5 10. Ф:е4 - Ф:е5 11. Ф:е4 - Ф:е5 12. Ф:е4 - Ф:е5 13. Ф:е4 - Ф:е5 14. Ф:е4 - Ф:е5 15. Ф:е4 - Ф:е5

2-й этюд (польского шахматного композитора Д. Шаверды, 1922 год). 1. Ф:е2 - Ф:е2 2. К:г7 (Многие участники олимпиады просматривали здесь тонкую ловушку: 2. К:г7, Ф:е1 - Л:е8 + мат), б3 3. Л:е8, Л:4 - Л:8 + мат, б3 4. Л:8 - Л:8 + мат, б3 5. Л:8 - Л:8 + мат, б3 6. Л:8 - Л:8 + мат, б3 7. Л:8 - Л:8 + мат, б3 8. Л:8 - Л:8 + мат, б3 9. Л:8 - Л:8 + мат, б3 10. Л:8 - Л:8 + мат, б3 11. Л:8 - Л:8 + мат, б3 12. Л:8 - Л:8 + мат, б3 13. Л:8 - Л:8 + мат, б3 14. Л:8 - Л:8 + мат, б3 15. Л:8 - Л:8 + мат, б3

3-й этюд - 1. К:е1 - Ф:е1 2. Ф:е1 - Ф:е1 3. Ф:е1 - Ф:е1 4. Ф:е1 - Ф:е1 5. Ф:е1 - Ф:е1 6. Ф:е1 - Ф:е1 7. Ф:е1 - Ф:е1 8. Ф:е1 - Ф:е1 9. Ф:е1 - Ф:е1 10. Ф:е1 - Ф:е1 11. Ф:е1 - Ф:е1 12. Ф:е1 - Ф:е1 13. Ф:е1 - Ф:е1 14. Ф:е1 - Ф:е1 15. Ф:е1 - Ф:е1

4-й этюд (русского шахматного композитора Н. Неймана, 1914 г.). 1. К:е1 - Ф:е1 2. Ф:е1 - Ф:е1 3. Ф:е1 - Ф:е1 4. Ф:е1 - Ф:е1 5. Ф:е1 - Ф:е1 6. Ф:е1 - Ф:е1 7. Ф:е1 - Ф:е1 8. Ф:е1 - Ф:е1 9. Ф:е1 - Ф:е1 10. Ф:е1 - Ф:е1 11. Ф:е1 - Ф:е1 12. Ф:е1 - Ф:е1 13. Ф:е1 - Ф:е1 14. Ф:е1 - Ф:е1 15. Ф:е1 - Ф:е1

5-й этюд (испанского советского шахматного композитора И. А. Копельмана, 1933 г.). 1. К:е1 - Ф:е1 (Если 1. К:е1 - Ф:е1 2. Ф:е1 - Ф:е1 3. Ф:е1 - Ф:е1 4. Ф:е1 - Ф:е1 5. Ф:е1 - Ф:е1 6. Ф:е1 - Ф:е1 7. Ф:е1 - Ф:е1 8. Ф:е1 - Ф:е1 9. Ф:е1 - Ф:е1 10. Ф:е1 - Ф:е1 11. Ф:е1 - Ф:е1 12. Ф:е1 - Ф:е1 13. Ф:е1 - Ф:е1 14. Ф:е1 - Ф:е1 15. Ф:е1 - Ф:е1)

ОТВЕТЫ НА КРОССВОД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

По горизонтали:
4. Праздник, 6. Радно, 7. Литий, 8. Полюстровский, 12. Погод, 13. Задание, 15. «Слава», 16. Журнал, 17. Сивнов, 18. Мичуринский, 19. Аномия, 20. Лесной, 21. Славянское, 22. Единство, 28. Достижение, 29. Феодосий, 30. Форзуна, 31. Рысь, 33. Навью, 34. Фас, 35. Машиностроение, 36. Машиностроение.

По вертикали:
1. Село, 2. Сиккерфоллостен, 3. Цинк, 4. Подаль, 5. Минерал, 6. Продуция, 7. Бокситы, 8. Инициалы, 9. Мичуринский, 10. Гингивит, 13. Задание, 14. Единство, 15. «Слава», 16. Журнал, 17. Сивнов, 23. Оборот, 24. Метасилин, 25. Натереть, 27. Морозов, 31. Рысь, 33. Навью, 34. Фас, 35. Машиностроение, 36. Машиностроение.

На футбольных полях

Фото А. Вочникова.

Появляясь, вне другого вида спорта, который был бы так популярен в нашей стране, как футбол. Этим тематический, статистический и прочий увлекутся миллионы людей самых различных возрастов. И, конечно, всех интересует, как будут проходить состязания по футболу на Spartакиана народов СССР.

В этом году футбольный сезон открылся рано. Уже 1 апреля на юге страны состоялись встречи на первенство страны. С этого времени и началась и подготовка и Spartакиана народов СССР. Состязания по футболу сначала проходили в изо-

вах коллективных физкультурных секций в районах, городах, областях. Такая организация помогает выявить сильнейших спортсменов, которые получат право играть в сборных командах республик. В этих командах выступят также и лучшие мастера коллективов, осваивающих первенство СССР в классах «А» и «Б».

Состязания обещают быть интересными. Ведь известно, что во встречах с более опытными командами молодежь коллективов играет особенно напористо, с хорошей спортивной волей. Такие матчи способствуют повышению мастерства начинающих

Фото Г. Борисова.

На площади Маяковского

Недавно москвичи были свидетелями необычного зрелища: на площади Маяковского в один и тот же час появились сразу два памятника великому поэту, отличавшимся друг от друга только своими размерами. По своему удивительное, они... переменились по площади. Впрочем, ничего сверхъестественного в этом не было: сделанные на фанере, сурьезно-поэтичные, примерочные силуэты будущего монумента. Скульптор А. И. Кибальников с их помощью определил размеры, положение и место памятника, который здесь будет установлен в скором времени.

На первой странице обложки: Тихий вечер. Фотолюбитель В. Токиселла.

На четвертой странице обложки: Студенты биолого-почвенного факультета МГУ Людмила Захарова проводит занятия в кружке юниатов школы № 653 г. Москвы. Фото Е. Токишидзе.

Би Дамел

Иван МАНЖАРА

Дуб был кореш.
Такого Дуба
Но вы со мной не надеюсь:
Высший, стройный — глгунуть
любю.

Большой, красивый и могучий,
Он задал ветви тучи,
Но вдруг, откуда ни возьмись,
На Дубе черви завелись.
А он спит, любит себя собой.
Я лишь выстою лобом.
Пида — и та спомает збу.
Когда свалит закончат дуби!
Но черви менау тем уи так
его змели —
Живого места нет на теле.

Увидел это манто Дител,
Что поспарну слов не
Снимать червь, и тратил,
И молча стал с его ветвей
Снимать червь.

А Дуб его за перья взал
И сорбиса грубо,
Да с см уил,
Не стало больше Дуба.
Тем эта басня придумается,
Кто критичи боится,
Имеет что с гнилицы натуру
Свою фигуру.

Перевел с украинского
А. НИКОЛАЕВ

Микла БИКУН

СЕРЬЗНЫЙ МАГ

Первое, что увидел Андрей Барно, когда проснулся, — это клки русых волос, газету, брови и кончик заднего носа. Пристремившись внимательнее, он понял, что и волосы, и газета, и брови — все, до носика включи-тельно, принадлежит девушке. Потом он взглянул на часы. Показывал полный час, и встречные деревья и столбы ваали на куски серой суаи паровозного дыма. Телеграфные провода то лезли вверх, то прибрали вниз. Соседи по купе еще спали. На верхней койке слева храпел какой-то лысый старик, на койке справа расположен офицер. Андрей встал и прибрал постель, пшел умываться. Когда он вернулся, соседка его все еще читала газету. «Гм, видимо, подравная девушка», — подумал он, краснеяи глаза наблюдая за соседкой. Потом снова стал смотреть в окно. В свои двадцать пять лет Андрей Барно был серьезным, уравновешенным человеком, и наикое случайнее знакомство с девушкой его не приключило. Он, молодой инженер с дипломом и назначением в кармане, едет в Ясигород, а ему нет никакого дела до незнакомой девушки, пусть даже хорошенькой. Он только будет глядеть в окно и мечтать о будущем.

Видно, серьезная, а не кандидатка «вечности», — подумал Андрей и отвалился спростить что она читает.

— «Ану Каренину».

— А-а, прекрасная вещь! После нескольких минут интентов Лву Толстому беседа омирилась. Сначала разговор о взаимоотношениях между Вронским и Анной, а минут через двадцать

Рис. А. Кохова

Товарищ, помогите, пожалуйста, снять чемодан! — влезал кто-то из соседних купе, и подал: это и к нему обращается соседка.

— Неужели она сподит на этой станции? — с каини-то непониманием недоуменно подал Андрей. — А впрочем... Пусть сподит. Мне что? И он поставил чемодан и ногам девушкам.

— Пожалуйста.

— Пожалуйста.

После такого диалога можно было попрежнему смотреть в окно, но Андрей поймал себя на том, что ему нет никакого пред-намерения смотреть на соседку. Она, должно быть, и не собиралась сподит, а намерялась просто поспазвранать. Наблюдая, как девушка раскладывает на столике разные вилусные припасы, Андрей отгел по себе: «Ану-Анну! Видно, хорошая хозяйка».

— Прошу за компанью. Уго-жайтесь! — пригласила девушка. Андрей благодарил, отказывался, а девушка все же заставила его взять какой-то морозник.

После завтрака она достала из чемодана книжку. «Начитан-на! Минуты пять займется без

никто незаметно перешли на любовь в колониальном колориде, с чувством неспоримой веры в сени Салва Андрей изложил собственные взгляды на любовь».

— Я... я... собственно говоря, не люблю в любовь с первого взгляда. Это, извините, фантазия. Как это можно влюбиться с первого взгляда? Глупости! Вы-валяет так, что «влюбленные с первого взгляда» сразу же решают жениться и чуть ли не в тот же день спешат в загс. Какую нучна такая торопливость? Я считаю, что жениться — это серьезное, чрезвычайно важное шаг в жизни. И прежде чем решиться на этот шаг, нужно все предусмотреть, обсудить».

Девушка со всем соглашалась, подкидывая постоянно раздвигая его взгляды. «Умная девушка, она прекрасно понимает меня! Ни одна девушка до сих пор меня так не понимала», — думал Барно.

— Симпатичный парень, но, кажется, спужанный. Вай бы ты и рассказал анекдот или пошутил. А то сидит и бздуе жри на ималюе персе натрапает. Даже чае-долею», — думала о нем соседка.

После завтрака девушка прорусилась, и рассматривать дальше о любви и браке было неудобно. Начали говорить о том,

о сем. И наконец познакомились. Девушка звали Вала, фамилия ее была Ямечина. Она окончила фармацевтический институт и вот едет работать в Ясигород. Андрей чуть ли не подскоком от радости.

— Да что вы говорите! Я тоже еду в Ясигород!

Лый толстый предлогин пойти в вагон-ресторан и вместе с офицером вышел из купе.

— Ты вы говорите, в Ясигород! Фармацевт? А в горняк. Иммунер? — Андрей был рас-сказывать Вале, что такое террионы и как вырабатывается кокс.

Она проявила максимум интереса и коку, а в голове, оперная одна другую, бегали мысли: «Горняк... имунер... Это не вична дача тысяч в месяц! А момент, и больше? Зависит от должности. Потом авалитра соответствует...».

Андрей был совсем очарован. Девушка-фармацевт так интриговала сортым делом. Это что-то исключительное! Какую же ширине горизонты! Какая уми-на! А какая она милая, эти глаза! Точно выльются, эти носик, эти брови! Нет, Андрей Барно за все время своей да-виль лет не встречал таких глаз, такого наика, таких бровей! Какие счастье, что она тоже едет в Ясигород и что они там встретятся! И вдруг Андрею стало не по себе. Ясигород не село, вот через полчаса они при-едут, она сойдт с поезда, за-терится в толпе, и он больше ее не встретит. Может, встрети-тит лишь через несомненно ме-сяца. И рядом с ней будет сидеть красивый, стройный мо-лодой человек, а его, Андрей Барно, там уже не увидит. Нет, этого Андрей не может до-пустить. На то же важдет, и он окончательно расстроился. А Вала, весело щечка, все рас-сказывала, только не замечая.

— Через пятнадцать минут прибудем в Ясигород», объя-вляя проводники, заглянув в купе.

Нужно было немедленно принимать какое-то решение. Через столько минут счастье и счастье усложнить из андревых рук. Андрей решился и выпалил: «Вот так, Вала, буду жить месяц женой!»

Густые длинные ресницы опу-стались вниз и упрятли воспали-тельные глаза. Вала принала пальцы к пылающим щекам, Андрей застыл в немом онда-

ни. По коридору, весело разго-варивая, возвращались офицер и командир поезда — толстак. Поезд, громящая на стрелках, замедлил ход. Ясигород... Андрей почувствовал, как все кровь прильнула в голову, перед глазами запылали желтые и зеленые черти. Но он нашел в себе все силы спростить: — Вы согласна? Ну... Да? Нет? В дверях показалась ласковая улыбка.

— Да... — ответила Вала.

— Идй по перрону, Андрей схватил одной рукой да чужа-данна (свой и ваали), а другой крепко держал Валу за локоть. Она не верил в свое счастье и все еще боялась, что Вала где-нибудь затеряется, отстанет от него. Так они вышли на привок-зальную площадь и остановились перед такси.

— В гостиницу? — спросил шо-фер, улыбаясь чмодами.

— В загс... — просрелат Анд-рей, млея от счастья.

***

— Дело о разводе было возбу-ждено через три месяца... — Перевел с украинского В. ВЕСЕННИ

Эдуард ВОЛОСЕВИЧ

«ПРИМЕРНЫЙ» МУЖ

Он в парке, в клубе, в людном месте, с женою неразлучен: всюду вместе! Воркует он, оней с нее не сводит. Губит о нем идет в народе: «Блес и блес!» Вот молодец какой!

А дома он совсем другой, Соседи слышат крики за стеной: он кулаком грозит с женой.

Перевел с белоруского А. ТВЕРСКОЯ

Перед свадьбой

Одетая в пестрый халатик, девушка стоит перед зеркалом, привычными движениями допрашивает в туалете косметические снаряды и лов-ливо, искусно красит брови, ресницы, губы.

Сегодня она должна быть особенно красивой. Как не-сколько часов ей предстоит ви-зит в загс.

— Ты, кажется, совсем мало встречалась с женихом? — спрашивает мать.

— Что ты, мамуля! Целых две недели!

— Попривенила бы... вздыхает старушка. — Узнайте друг друга лучше. Мовет быть, он не-мужичиный человек... — Подумавшая, раскисает девушка. — Я не же насегда замуж выхожу!..

В. БРОДОВ

Рис. Е. Гурова

Цена номера
2 руб.

